

ОСКОЛКИ МИРА

РОМАН ГРОМОВ

СВОЯ ИГРА

Осколки мира

Роман Громов

Осколки Мира Своя Игра

«Автор»

2026

Громов Р.

Осколки Мира Своя Игра / Р. Громов — «Автор»,
2026 — (Осколки мира)

Внутри города «Волки» сталкиваются не с бандой, а с многослойной системой. Над грубой силой местных авторитетов стоит безликий и всемогущий «Комитет». Чтобы выжить и получить влияние, команда вынуждена играть по его правилам, создавая коррумпированный «гуманитарный фонд». Этот шаг раскалывает группу изнутри: прагматик Сергей требует жёсткого контроля над первыми союзниками — сломленными людьми со свалки, — а лидер Роман пытается сохранить в них человечность, видя последний оплот против системы. Когда операция достигает первого успеха, «Комитет» наносит хирургический ответный удар, демонстрируя, что следил за «Волками» с самого начала. Пролитая кровь означает конец невидимой войны. Но теперь «Волкам» предстоит вести открытую войну внутри стен враждебного города, где каждый следующий шаг стирает грань между ролью наёмника и настоящим падением, а призраки прошлого грозят уничтожить будущее.

© Громов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава 1: Тревожный вызов	6
Глава 2: Осколок	14
Глава 3: Скальпель для Орла	23
Глава 4: Точка бифуркации	31
Глава 5: Чистка	40
Г	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Роман Громов

Осколки Мира Своя Игра

Предисловие

Внедрение в бандитский анклав прошло успешно. Наши герои превратились в бесшумных теней, нащупывающих свой путь сквозь грязь и отвращение. Но в этом городе они не одни: другие, ещё более могущественные тени имеют обыкновение оживать и приходить за тобой ночью.

Первая кровь пролилась не в перестрелке с бандитами и не в стычке на трассе. Она сочилась между перекрытиями второго этажа гостиницы «Перекрёсток», оставляя на стенах и душах людей рыжие, будто ржавые, разводы. Хозяева пришли тихо, почти вежливо — будто сама система решила поставить ультиматум и ограничить свободу группы. Напоминая о том, что «Волки» здесь всего лишь гости. И гостей можно попросить. Навсегда.

Их легенда пока держится даже под таким натиском, но против них действуют настоящие профессионалы, способные докопаться до сути. «Волки» плели свою нить, но сами запутались в её извивах, а теперь им осталось только продолжать начатое. Другого выхода нет: они увязли и должны запустить работу, ведь конвой доставил всё, что необходимо. Но теперь мы понимаем: всё это было лишь пропуском на арену. Арену, где правила меняют без предупреждения, а судьёй выступает тот, чьёго лица ты никогда не увидишь.

Задача усложнилась. Теперь это не просто сбор информации и дестабилизация. Это охота в зеркальном лабиринте, где каждый шаг отслеживают, каждое движение анализируют, а каждую слабость... используют. У «Волков» уже есть контакты, есть точка опоры и причины, чтобы не сломаться. Но у системы есть преимущество: представители Комитета здесь дома. И только что они об этом напомнили самым наглядным и отвратительным способом.

Но члены Комитета недооценили потенциал группы Романа Громова. Ведь он не отступит, а начнёт свою игру. Игру по своим правилам, где враг не носит камуфляж, где махинации в документах, ложь в слухах и молчаливые взгляды из-за штор больше не играют роли. И у «Волков» остаётся только один путь — вперёд, сквозь зеркала лжи.

Потому что отступать некуда. Здесь, в городе страдают люди, которых хотят превратить в животных. Там, за его стенами есть то, что стоит защищать. А тот, кто стреляет в спину, рано или поздно должен встретиться со своей жертвой лицом к лицу.

Глава 1: Тревожный вызов

Воздух в павильоне отдавал привкусом ржавчины, дерева и старой краски. Вечернее солнце, пробиваясь сквозь высокие окна, резало пространство косыми, рыжими лучами, в которых кружились мириады пылинок. Я сидел за стойкой с кассой и компьютером, пытаюсь создать в програмке базу наших товаров, постоянно сверяя накладные. Тишину нарушал только скрип старенькой мышки и редкие звуки с улицы — рынок затихал, пустел готовясь к ночи. Лёха и Дима в соседнем отсеке, со складскими воротами монтировали стеллажи, позвякивая инструментами. Передвигали ящики, раскладывали товар по новым полкам, пытаюсь хоть немного освободить проход.

И вдруг эту тишину разорвал резкий, тревожный писк рации, стоящей на верстаке Лёхи. Не общий эфир. Частота второй группы. Частота Антона.

Мой взгляд мгновенно насторожился, вдруг захотелось скорее метнуться к аппарату. Но я встал, отставив компьютер с незаконченной табличкой на экране и бумаги. В груди знакомо сжалось — это не мог быть обычный доклад. Не в это время. Не по этому каналу.

— Волк-1, на связи, — мой голос прозвучал ровно, но я чувствовал, как напряглись все мышцы.

В динамике — не голос, а сдавленное, хриплое дыхание. Потом звук, будто человек с силой прочищает горло, проглатывая ком.

— Рома... Это Антон. — Голос был чужим. Сорванным, низким, натянутым, как трос канатоходца перед разрывом. В нём не было ни паники, ни страха — лишь тяжёлая, голая констатация факта, произнесённая сквозь сжатые зубы. — Беда. К нам... приходили. Двое. Не наши. Стреляли... Санёк... Санёк убит.

Последние два слова он выдохнул, будто ему не хватило воздуха. В эфире послышался приглушённый шум — шаги, чужие голоса. Антон резко оборвал связь.

В павильоне повисла мёртвая тишина. Даже Лёха замер в дверях склада услышав доклад. Я почувствовал, как по спине побежал холодный пот. Не страх за себя. Предчувствие. Тот самый скрежет точильного камня, который я будто уже слышал в тишине. Он только что снял первую стружку.

— Гостиница. Быстро. Всем оружие на пояс, — выдохнул я, уже срываясь с места.

Мы не бежали — мы мчались. Снаружи я крикнул Сергею, — Серый, вы остаётесь здесь, а мы в отель. Там стрельба была, надо помочь нашим.

Движок Патруля ревел, взрывая вечерний покой улиц. Эдик сидел на заднем сиденье, сжимая свой «Глок» так, что казалось раздавит накладку. Его лицо было маской из льда, но в глазах бушевал пожар. Одно имя — Санёк — прозвучало как детонатор. Димка тоже сосредоточенно смотрел в окно, поигрывая кнопкой фиксатора на кобуре. Лишь Лёха оставался внешне спокойным, резко бросая машину в поворот к зданию гостиницы.

У гостиницы «Перекрёсток» уже стояли две машины патруля — пикапы с мигалками. Трое бойцов в камуфляже оцепляли вход, их лица выражали скупающую бдительность. Но не они привлекли внимание. На крыльце, прислонившись к стене и куря, стоял человек в штатском — тёмная куртка, аккуратные брюки. Он не смотрел на нас, он изучал кончик своей сигареты. Но его осанка, полная спокойной, абсолютной власти, кричала громче любого значка. Рядом с ним вертелся младший патрульный, что-то быстро докладывая. Я поймал обрывок: «...ничего не нашли, батя. Чисто. Похоже на разборку...»

Батя. Знакомое обращение.

Мы вывалились из машины. Патрульные насторожились, руки потянулись к стволам. Человек в штатском — тот которого подчинённые называли «Батя» — медленно поднял

взгляд. Его лицо было невыразительным, усталым. Глаза, цвета мокрого асфальта, скользнули по нам, оценивая, классифицируя.

— Стойте! Осмотр! — гаркнул один из патрульных, блокируя путь.

— Мы к своим, — отрезал я, не останавливаясь. — Внутри группа охраны конвоя. Нам сообщили о происшествии.

«Батя» сделал едва заметный жест рукой. Патрульный отступил, но недовольно сжал губы.

— Происшествие, — повторил «Батя», и в его голосе прозвучала лёгкая, ядовитая насмешка. — Да, происшествие. Ваши люди, видимо, не сошлись во мнениях с местными... предпринимателями. Был конфликт. К сожалению, со смертельным исходом.

Он говорил так плавно, как будто зачитывая заранее подготовленное заключение. Его взгляд остановился на мне. — Вы — командир «Волков»?

— Я, — кивнул я, чувствуя, как Эдик замер у меня за спиной.

— Печально. Первый же день приезда ваших коллег, и такие неприятности. Город у нас, знаете ли, спокойный. Местные не любят тут шума. Особенно от приезжих. — Он отряхнул пепел. — Расследование ведём. Версия — конфликт криминальных группировок. Местные против приезжих. Такое бывает. Драка, оружие, трагедия. Мы разберёмся.

Каждое его слово было гвоздём, забиваемым в официальную версию. Санёк превращался в «жертву разборки». Их визит, их допрос — стирались. Оставался лишь удобный труп и ширма для отчётности.

— Мы хотим видеть своего человека, — сказал я, глядя ему прямо в глаза. — И командира группы. Антона.

«Батя» медленно кивнул, как бы делая одолжение.

— Конечно. Они внутри. С ними уже побеседовали. Но имейте в виду — до завершения формальностей командир группы охраны, Антон кажется... считается... свидетелем с обострённой позицией. Не советую ему уезжать из города.

Мы прошли мимо патруля и мужика в штатском. Его взгляд, холодный и тяжёлый, провожал нас, оперевшись в спины.

На втором этаже гостиницы пахло хлоркой, мылом и чем-то металлическим, знакомым — запахом крови, который не спутать ни с чем. Тут, в коридоре у номера 214, стояли ещё двое патрульных. Дверь была распахнута.

Лёха с Димкой остались снаружи, а мы с братом вошли в комнату.

Антон сидел на стуле в дальнем углу первой комнаты. Вид у него был страшный. Огромный, багровый синяк расплзался на виске. Один глаз заплыл. Он сидел сгорбившись, локти на коленях, и смотрел в пустоту перед собой. Но это был не взгляд сломленного человека. Это был взгляд хищника, которого загнали в угол и который молча, методично перебирает в голове варианты ответного удара. Его челюсть была сжата так, что выступили жёсткие бугры мышц. Руки, лежавшие на коленях, сжаты в кулаки, и мелкая дрожь время от времени пробежала по ним — не от страха, а от ярости, которую он с трудом сдерживал. Он дышал рвано, через нос, будто воздух обжигал лёгкие.

Увидев нас, он медленно поднял голову. Взгляд его, мутный от боли и шока, на секунду обрёл фокус. Он кивнул. Коротко. И его губы, потрескавшиеся и в кровоподтёках, шевельнулись, произнося беззвучное: «Санёк... там...»

Я шагнул в соседнюю комнату.

Тело уже накрыли каким-то грязным брезентом. Но на полу, на паркете из дешёвого ламината, оставалось тёмное, липкое пятно, уже начинавшее черстветь по краям. Рядом с пятном, в осколках разбитого стекла, лежал окровавленный обрывок фотографии. Я не стал её поднимать. Я уже всё понял.

Эдик стоял на пороге. Он не смотрел на пятно. Он смотрел на стену, куда, судя по всему, упал Санёк. Его лицо было абсолютно бесстрастным. Только в уголке глаза дергался крошечный, неконтролируемый нервный тик.

Из коридора донёсся голос «Бати», поднимавшегося по ступенькам наверх и говорившего с кем-то по рации: «...да, доложите Виктору Палычу. Инцидент исчерпан. Приезжие успокоены. Да, патруль давно уже здесь...»

Виктор Палыч, он же Дядя Витя.

Значит, вот как. «Комитет» нанёс свой второй удар, подтасовал информацию. А Витя, хозяин рынка, уже получил свою, отлакированную версию. Версию, которая удобна всем, кроме мёртвого и его товарищей.

Я вернулся к Антону. Присел перед ним на корточки, чтобы быть на уровне его глаз.

— Кто они? — тихо спросил я.

Антон с трудом перевёл на меня взгляд. Его голос прозвучал хрипло, каждое слово давалось с усилием.

— Двое... В штатском. Старший — седой. Холодный как лёд. Второй — молодой, пустой. Пришли... спрашивали про вас. Про «Волков». Про то, что мы видели в лесу. Пытались... сломать. Санёк... он понял первым. Полез в драку, чтобы отвлечь... чтобы я успел. — Антон зажмурился, гримаса боли искажила его лицо. — Он... он был свой. Настоящий. А они... они матёрые. Профессионалы. Убрали свидетеля... и ушли. Чисто.

«Свидетель». Именно так. Санёк видел их лица. Санёк мог их опознать. И он был слишком опасен своей проницательностью. Он был лишним звеном в их чистой схеме. Хотя нет, что-то не сходится. Если бы хотели убрать свидетелей, то Антон тоже должен был получить пулю, а его не тронули. Значит, не за этим пришли? Или за этим, но не успели? Навели шороху и свалили опасаясь нарваться на противодействие остальных бойцов и получить ещё больше нежелательных свидетелей? Странно, так себя профессионалы не ведут.

Я встал. В голове, после кучи вопросов звенела тишина, та самая, что наступает после взрыва. Первая кровь по контракту пролилась. Не на дороге, в честном бою. А здесь, в стандартном гостиничном номере, в результате «административной проверки».

— Собирай своих, — сказал я Антону. — Мы забираем тебя и тело. Сегодня же.

— Патруль не отпустит, — хрипло ответил Антон. — Они сказали... формальности.

— Формальности мы уладим, — сказал я, и в голосе моём впервые за этот вечер прозвучала сталь. Та самая сталь, которую мы ковали все эти недели, играя роль. Теперь роль кончилась. Остался только холодный расчёт.

Я вышел в коридор. «Батя» всё ещё курил, разговаривая с начальником патруля. Он обернулся, увидев меня, и его брови чуть приподнялись в вопросе.

— Мы забираем своего погибшего и командира группы, — сказал я без предисловий. — Для захоронения и медицинской помощи. Формальности — ваша проблема. У вас есть версия. Придерживайтесь её.

Он затанулся, выпустил струйку дыма. В его глазах что-то мелькнуло — не злость, а скорее... любопытство. Как у учёного, наблюдающего за поведением подопытного в новой стрессовой ситуации.

— Это может осложнить расследование, — заметил он мягко.

— Расследование уже завершено, — парировал я. — Конфликт криминальных группировок. Труп приезжего. Мы заберём свой груз проблем. Вам же меньше хлопот. И остальным, тут я посмотрел на патрульных — тоже. — Я сделал паузу, давая улечься прозвучавшему заявлению. — И ваше начальство, думаю, оценит нашу... сговорчивость в этом щепетильном вопросе.

«Батя» замер на секунду. Потом медленно, почти незаметно кивнул. Он понял. Я не просил. Я сообщал о решении. И прикрывал это решение связью со многими местными силами — фигурами, с которой и ему, и «Комитету», видимо, приходилось считаться.

— У вас есть два часа, — наконец сказал он. — Чтобы убраться за собой. И мы... больше таких происшествий не потерпим. Город не любит шума.

Мы больше не разговаривали. Мы забрали тело Санька, завернутое в брезент, усадили в полубессознательном состоянии Антона в Ниссан, отправив машину с Лёшкой за рулём на базу. Димку и Эдика я также отправил на этой машине, пусть прикроют. Теперь Антон, вернее его ребята. Они стояли рядом со мной, мрачные и молчаливые, сжимая оружие. Патрульные смотрели на нас с плохо скрываемым презрением и облегчением — ещё одни проблемные приезжие, которые скоро исчезнут.

Когда машина тронулась, увозя запах смерти и ярости от «Перекрёстка», я обернулся и посмотрел назад. «Батя» всё ещё стоял на крыльце, наблюдая за отъездом. Его сигарета тлела в сумерках красной точкой. Как мушка прицела.

Они показали свою силу. Хладнокровную, бюрократичную, безличную. Они убили человека не за дело, а за возможность, за знание. Чтобы показать, кто здесь решает, что является правдой.

Но они совершили ошибку. Они убили не просто наёмника. Они убили товарища Антона. Они превратили нас из игроков, осторожно встроившихся в систему, в мстителей, которые теперь видели в этой системе не просто поле для работы, а смертельного врага.

А ещё они оставили Эдику его ответ. Частичный, кровавый, но ответ. Санёк был убит теми, кого он, возможно, боялся или ненавидел. И теперь его смерть навсегда связывала «Комитет» и личную войну моего брата. Машина со скорбным грузом пропала из виду, свернув на боковую улицу. Нет, даже не домой. На базу, которая теперь стала не укрытием, а штабом в осаждённой крепости. Контракт был подписан кровью. Игра в пауков кончилась. Начиналась война теней. И первая чёрная метка легла на нас сегодня вечером, в номере 214.

Машина с телом Санька и раненым Антоном только скрылась за поворотом, когда на пустынную площадку перед гостиницей, с противным визгом шин, въехал знакомый чёрный внедорожник «Дяди Вити». Он остановился резко, подняв облачко пыли.

Дверь распахнулась, и Виктор Палыч вышел наружу. Его лицо, обычно выражавшее деловую уверенность или отстранённую вежливость, сейчас было искажено холодной, сдержанной яростью. Он быстро, тяжёлой походкой, направился к нам, даже не глядя на «Батю», который, перестав курить, наблюдал за этим с ленивым, почти театральным интересом.

— Графов! — голос Виктора Палыча прозвучал, как удар бича, разрезая вечернюю тишину. — Ты объяснишь мне, что за цирк ты устроил в нашем городе? В первый же день приезда твоей колонны!

Он остановился в двух шагах, его взгляд, полный презрения и разочарования, скользнул по мне, по бойцам Антона, по окнам гостиницы.

— Я же предупреждал! Никакого шума! Никаких скандалов! А что я вижу? — Он резким жестом махнул рукой в сторону здания. — Перестрелка! Труп! Весь район на ушах! Мне патруль докладывает, что твои головорезы устроили разборку с местными!

— Виктор Палыч, — начал я, держа голос ровным, но твёрдым. — Мои люди не начали. К ним в номер вломились двое в штатском. Они допрашивали, избили командира и застрелили Санька. Это была не разборка. Это был...

— Мне не интересны твои версии! — перебил он, его лицо стало багровым. — Я получил доклад! От официальных лиц! — Тут он впервые кивнул в сторону «Бати», и тот едва заметно склонил голову, будто принимая благодарность за предоставленную «официальную» информацию. — Конфликт на криминальной почве. По вине приезжих. Ты думаешь, мне приятно такое слышать? Я поручился за тебя! А ты мне подставляешься на банальных разборках!

Я видел, как у ребят Антона, стоящих спереди, напряглись спины. Бойцы, мрачные и молчаливые до этого, теперь смотрели на Витктора с немим вызовом. Для них это была пляска на крови их товарища. Один из них, коренастый парень с шрамом на щеке, негромко, но внятно выдохнул: «Да ё-моё...»

«Батя» услышал это. Уголок его губ дрогнул в подобии улыбки. Он наслаждался спектаклем, который сам и поставил. Патрульные стояли по стойке «смирно», но в их глазах читалось злорадство: вот она, расплата для этих зазнавшихся приезжих «спецов».

— Мои люди сохраняли спокойствие, — продолжил я, глядя Виктору Палычу прямо в глаза, игнорируя «Батю». — Их спровоцировали. Убили. И теперь вы пытаетесь повесить на нас ярлык бандитов.

— Не пытаюсь, Графов. Констатирую факт, который подтверждают компетентные товарищи, — он снова кивнул в сторону «Бати». — И раз уж твоя группа демонстрирует такую... неспособность к мирному сосуществованию, наши договорённости пересматриваются.

В груди у меня всё сжалось в ледяной ком. Вот оно.

— Во-первых, — отчеканил Виктор Палыч, — гарантийный взнос за место на рынке и за «крышу» ты теряешь. Он не возвращается. Это компенсация за репутационный ущерб и затраты на урегулирование инцидента.

За моей спиной послышался сдавленный свист одного из бойцов. Это были немалые деньги.

— Во-вторых, штраф. Двадцать GE. Внесёшь в течение сорока восьми часов. На общий счёт администрации. Просрочка — ликвидация твоего ларька и выдворение из города.

«Батя» медленно закурил новую сигарету, его взгляд, скользнув по лицу Виктора Палыча, остановился на мне. В нём читался холодный, аналитический интерес: «Как ты выкрутишься? Сломаешься? Полезешь в драку?»

— И в-третьих, — голос Дяди Вити стал тише, но от этого не менее опасным, — твой «благотворительный фонд». Пока ты не доказал, что можешь вести дела, не устраивая стрельбу, он переходит под временную администрацию моих людей. Чтобы никакие твои... гуманитарные миссии... не привели к новым трупам.

Это был самый жестокий удар. Фонд — наше легальное «лицо», наша возможность помогать и, что важнее, наша легальная сеть контактов и информации.

— Фонд зарегистрирован на меня, — попытался я возразить, но звучало это уже слабо, как лепет ребёнка перед неумолимым решением суда.

— И его деятельность на территории моего рынка и нашего города требует моего одобрения, — парировал Виктор Палыч. — Которое сейчас приостановлено. Поэтому, — он посмотрел на часы, — у тебя есть тридцать минут. Явись в мой офис со всей документацией по фонду: устав, отчётность, списки подопечных, финансовые отчёты. Всё. Понял?

Он не стал ждать ответа. Бросив на нас последний взгляд, полный брезгливости и раздражения, он развернулся и пошёл к своей машине. На полпути он остановился, не оборачиваясь, и бросил через плечо:

— И, ... больше ни одного выстрела в городе. Следующий труп — твой.

Дверь внедорожника захлопнулась, и он уехал, оставив после себя тяжёлое, гнетущее молчание.

«Батя» медленно подошёл ближе. Дым от его сигареты стлался в неподвижном вечернем воздухе.

— Энергичный мужчина, — произнёс он почти задумчиво. — Прямолинейный. Любит порядок. — Он посмотрел на меня. — Двадцать Золотых... Сурово. Уложите в срок, советую. Он не шутит. А с фондом... — «Батя» сделал паузу, и в его глазах мелькнул какой-то намёк, — интересное решение. Очень... административное.

В его словах не было ни сочувствия, ни злорадства. Была лишь констатация факта, как у патологоанатома. Он дал нам понять, что именно его «официальная» версия стала тем рычагом, которым Дядя Витя нас давит. И он наслаждался тем, как отлаженно сработал механизм.

Патрульные, получив своё зрелище, начали расходиться к машинам, перешёптываясь и покрикивая друг на друга. Для них история была закрыта: начальство наказало виновных, можно ехать дальше.

А я стоял посреди улицы, сжав кулаки. Бойцы Антона смотрели на меня. В их взглядах была не только ярость и горечь, но и немой вопрос: «И что теперь, командир? Нас выжали, ограбили, на нас повесили убийство своего же, а мы что?»

Я посмотрел на тёмное пятно на асфальте, где только что стояла машина Дяди Вити. Тридцать минут. Документация фонда. Двадцатка золотом. Отнятый взнос.

«Комитет» не просто ударил из тени. Он загнал нас в угол и заставил местную власть закрутить гайки.

— На базу, — тихо, но чётко сказал я. — Всем. Нужно думать.

Но мысли уже бились в голове, как птицы в клетке. Думать? Да. Но и действовать. «Своя игра» только что получила новые, кабальные правила. И первым ходом в ней станет визит в кабинет Виктора Палыча с папкой, в которой лежало не только будущее фонда, но и, возможно, единственный ключ к тому, чтобы превратить это унижение в оружие.

Дорога до нашей штаб-квартиры прошла в гнетущем молчании. Я проводил бойцов Антона внутрь, на второй этаж, в импровизированный медпункт, где уже пахло йодом и спиртом. Алина, её лицо сосредоточенное и бледное, заканчивала обрабатывать рваную ссадину на виске Антона. Он сидел, стиснув зубы, его взгляд, теперь яснее, метнулся на меня — вопрос, требующий ответа, которого у меня пока не было.

В главном зале столпились наши. Лёха, Димка, Эдик и Саня. На их лицах читалась смесь тревоги, злости и ожидания.

— Рома, что за херня? — начал Лёха, отодвигая стул. — Двадцать золотых? Фонд? Это что, полный развод?

— Всё потом, — отрезал я, не останавливаясь на пути к своей комнате с сейфом. Голос прозвучал резче, чем я планировал. В глазах у Лёхи мелькнуло что-то вроде укола. Ещё один друг, которому я сейчас не могу дать ответ. — Сейчас некогда. Виктор Палыч ждёт.

Я видел, как они переглянулись. Понимали. Сейчас не время для совета. Сейчас время выполнять приказ, даже если он ведёт в пасть льва.

Из сейфа я извлёк увесистую папку с синей корочкой. Вся наша легальная жизнь: устав, отчёты, списки подопечных, распечатки транзакций. Бумажная душа фонда. Я сунул её под мышку.

— Эдик, со мной, — бросил я, направляясь к выходу. Брат, не задавая вопросов, вытащил из ящика в столовой свой «Глок», сунул его в кобуру и последовал за мной. Нам нужен был не разговор, а молчаливое присутствие. Факт, что мы идём не с пустыми руками, а с силой.

Кабинет Виктора Палыча в отдельном, кирпичном здании в двух кварталах от рынка. Окна его были затемнены. Охраны у входа не было и лишь заведённый джип на парковочном месте напоминал о её присутствии. Странно.

Дверь была не заперта. Я толкнул её и вошёл, пропуская Эдика вперёд. Поднялись наверх. Кабинет тонул в полумраке, освещённый лишь настольной лампой с зелёным абажуром. За массивным дубовым столом сидел Виктор Палыч. Один. Ни мордоворотов в чёрном, ни того вездесущего аналитика с планшетом. Только он, графин с коньяком и две стопки.

— Закрой дверь, — сказал он ровно, не глядя на нас.

Эдик притворил дверь, оставаясь у порога, положив руку на кобуру. Я подошёл к столу и с негромким стуком бросил синюю папку на полированную столешницу.

— Документация фонда. Как было велено. Весь учёт.

Виктор Палыч не стал её открывать. Он медленно налил янтарную жидкость в две стопки, пододвинул одну ко мне через бархатную обшивку стола.

— Присаживайся. Коньяк не троечный, можешь не морщиться. Выпьем за... ясность.

Это был не приказ хозяина. Это была... просьба? Провокация? Я сел в кожаное кресло, оставив стопку нетронутой.

— Я не за ясностью пришёл, Виктор Палыч. Я по вашему ультиматуму.

— Ультиматум был для стен, у которых есть уши, — он отпил, задумчиво покручивая стопку в толстых пальцах. Его лицо в табачном дыму и мягком свете лампы казалось не разгневанным, а невероятно усталым. — А сейчас стены тут только я да ты. Так что давай начистоту. Твой Санёк. Его убили не бандиты с рынка. Пришли давить на твоих контрагентов. Задуманно было чисто. Профессионально. Но что-то пошло не по плану и началась стрельба.

В груди что-то ёкнуло – подтверждение худшего.

— «Комитет», — выдохнул я не вопросом, а утверждением.

Он кивнул, едва заметно.

— Конкретно — подразделение внутренней безопасности. Гордеев Лев Аркадьевич. Его молодой щенок Петров. Пришли не просто пошуровать. Они пришли ставить точку на твоей независимости. И поставить на вид. Всем.

— И вы... вы эту точку поддержали? Со всей этой бутафорией про штрафы и изъятия?
— В голосе моём прорвалась горечь.

Виктор Палыч поставил стопку с резким стуком.

— Поддержал? Я её оформил, Графов! Потому что если бы я не оформил, если бы я при всех начал орать, что это беспредел и надо искать настоящих убийц, знаешь, что бы случилось? — Он наклонился вперёд, и в его глазах вспыхнул жёсткий, личный огонь. — Ко мне бы завтра пришли с точно такой же «проверкой». А послезавтра мой кабинет занимал бы новый управляющий. Удобный. Послушный. А я бы валялся в канаве с ярлыком «предателя интересов города». Как Михалыч.

Он помолчал, давая словам осесть.

— Михалыч был моим человеком. Другом. Мы держали этот клуб — он формально, я — по факту. «Комитету» он был нужен. Они давили экономически, угрожали. Не сломали.

Он откинулся в кресле, проведя рукой по лицу.

— Ты думаешь, я здесь царь и бог? Я – менеджер. Высокопоставленный, да. С голосом. Но в Совете Комитета мой голос – один из многих. И не самый громкий. А у Бати, и его безопасника Гордеева... у них нет голоса. У них есть мандат. Прямо из самого центра. Они – скальпель. Которым режут.

— Зачем тогда всё это? — я ткнул пальцем в папку. — Зачем забирать фонд? Это же просто ширма.

— Ширма? Это единственная причина, по которой у тебя до сих пор не обыскали базу, а твоих людей не взяли в плотную проработку! — Он понизил голос до опасного шёпота. — Пока фонд у меня «на временной администрации» – он вне их досягаемости. Их аудиторы, их бумажные черви не могут лезть в твои отчёты, к твоим подопечным. Это не отжатие, Роман. Это иммунитет. Кривой, ублюдский, но иммунитет. Пока ты ведёшь себя... смирно.

Он сделал паузу, давая мне понять последнее слово.

— А штраф? Двадцать золотых?

— Останется на бумаге. Как и твой взнос. Успокой своих людей, — он махнул рукой. — Но чтобы я мог это обеспечить, ты должен играть постановку. Ты – наказанный выскочка. Я – строгий, но справедливый хозяин, который навёл порядок. И пока ты создаёшь проблемы не на моём участке, а там, где болит у всех... — он многозначительно посмотрел на меня, — про эти «санкции» можно забыть. Мы можем даже найти способы... взаимовыгодного сотрудничества. В будущем. Если ты докажешь, что ты не просто бешеная собака, а инструмент.

— Инструмент против Гордеева, — уточнил я.

— Инструмент для восстановления баланса, — поправил он осторожно. — Комитет душит город. Душит бизнес. Мои связи, мои операции... они везде суют свой нос. Контролируют, проверяют, вымогают долю. Они хотят всё. Все куски пирога. Михалыч и его клуб — это была моя линия обороны. Они её снесли. Обвинили моего друга во всех смертных грехах и забрали мой клуб, откусив хороший кусок от моих активов. Следующим может быть что угодно. Склад. Маршрут. Этот самый рынок. А клуб... перешёл в их фонд «восстановления». — Виктор Палыч поставил стопку на стол с глухим стуком. — Они пожирают своих. По кусочкам. Подминают под себя все пакеты акций этого города. Все сферы. Мою, других независимых... Мы сопротивляемся. Но они сильнее. У них есть система. Их «служба безопасности»... — он с силой выдохнул, — они суют нос везде. Контролируют документы, поставки, людей. Даже моих.

Он допил коньяк, его взгляд стал отстранённым, смотрящим куда-то в прошлое.

— Я не прошу тебя объявлять им войну. Я предупреждаю: они уже объявили её тебе. Убийство твоего человека — не конец. Это начало ритуала. Они проверяют твою реакцию. И если реакция будет слабой... они придут и заберут всё остальное. По одному кусочку. Начиная с твоих людей. Поэтому держи ухо востро. И запомни: здесь не я твой главный враг. Твой главный враг — система, в которой даже я вынужден танцевать под чужую дудку.

Он отодвинул от себя пустую стопку. Разговор был окончен.

— И последнее, — сказал он, когда я уже встал. — Не ищи Гордеева. Он найдёт тебя сам. И когда найдёт... будь готов. Он не придёт с двумя стволами. Он придёт с папкой, где будет всё: твои старые грехи, подписи твоих людей, схемы твоих операций. Он бьёт не по телу. Он бьёт по тому, что делает тебя человеком. По твоей репутации, твоим связям, твоей правде. И после него остаётся только пустота, которую удобно заполнить их версией. Как с Саньком.

Я взял со стола свою нетронутую стопку, выпил залпом. Огонь растёкся по груди, проясняя мысли.

— Спасибо за... ясность, Виктор Палыч.

— Не за что, — он уже смотрел в пустоту за моим плечом. — Просто помни: в этой игре мы все в одной клетке. Просто кто-то сидит ближе к дверце. А кто-то — у дальней решётки. Папку оставь. Для галочки.

Я вышел. Эдик встретил меня вопросительным взглядом в полутьме коридора.

— Ну как? — коротко бросил он.

— Ну, — ответил я, направляясь к выходу. — Враг моего врага пока не друг. Но он перестал быть надзирателем. Он стал... зрителем. Которому выгодно, чтобы волки в его клетке кусали друг друга.

— И мы будем кусать?

— Нас уже укусили, брат, — сказал я, распахивая дверь в холодную ночь. — Теперь наша очередь выбирать, куда вонзить клыки. И имя у этого выбора уже есть. Гордеев.

Теперь у нас была не просто месть. У нас была стратегия. И крайне ненадёжный, но единственно возможный в этой тюрьме союзник. Игра усложнилась, но впервые за этот долгий день в ней появился слабый, но различимый свет.

Глава 2: Осколок

Дождь стучал по жестяной крыше нашей базы не переставая вторые сутки. Он вымывал грязь с разбитой плитки перед входом, но не мог смыть главного — ощущения липкого, холодного уныния, которое повисло в столовой. Антон через полтора часа после случившегося всё-таки пришёл в себя и объявил:

— Честное слово, мужики, не могу я за вашими спинами отсиживаться. Мне нужно готовить конвой в обратный путь, да со своими бойцами переговорить наедине, чтобы глупостей не натворили.

Лёха насупился:

— Так этот... Батя, кажется, командир вояк местных, советовал тебе из города не торопиться.

— Да плевать я хотел на его пожелания! После этих событий пусть спасибо скажет, что глотку ему не перерезал! — ответил Антон и, забрав своих бойцов вместе с Гуровым, уехал на рынок готовить грузовики в обратный путь.

Нам нечего было ему ответить, ведь в этих словах сквозила суровая мужская правда.

Я стоял у запотевшего окна, спиной к ребятам, обдумывая нынешние перспективы. За моей спиной молчали. Молчал Эдик, сжав кулаки. Молчал Сергей, методично, с каменным лицом проверявший магазины к своему «Хекклеру». Молчали Лёша и Саша, не зная, куда деть глаза. Тишину рвал только монотонный стук дождя и тяжёлое дыхание Димы, который только что вернулся и теперь отряхивался у порога, словно принёс на себе не просто воду, а самую тяжесть этого дня.

— Павильон закрыл, с грузчиками расплатился, остальные мужики скоро подойдут, — хрипло проговорил Дима, снимая промокший броник. — Вот, кстати, Антон с со своими бойцами мне информацию с рынка передали. Говорят, их пока не трогают, но «Комитет» ввёл дополнительные патрули на всех подъездах. Будто ждут, что мы сейчас всей толпой рванем мстить.

— А мы и рванем! — сорвался Эдик, ударив кулаком по столу.

Пластиковая кружка подпрыгнула, покатилась, громко упала на пол. Звонкий, ничтожный звук.

— Они его убили! Как собаку! В гостинице! Он Антохе... он последнее, что сказал...

Я не обернулся. Но видел в отражении стекла искажённое яростью лицо брата. Видел усталые глаза Сергея. Даже сам чувствовал ту же ярость — холодный, тяжёлый шар из свинца и битого стекла где-то под рёбрами. Но это была роскошь, которую сейчас позволить себе не мог. Ярость слепа. А нам нужно было зрение. Острейшее.

— Что ещё Антон передал? — спросил я, и мой голос прозвучал непривычно ровно, почти безжизненно.

Дима замялся, полез во внутренний карман размокшей куртки. Достал прозрачный полиэтиленовый пакетик, застёгнутый на замок.

— Это... — он неловко протянул пакет. — Говорит, нашли в его руке. Зажато было. Санёк... Фантом, значит. Сказал, когда тело хоронить будете, положите в гроб. Пусть эта фотография останется с ним.

При этих словах я наконец оторвался от окна, взял пакет. Внутри лежала фотография. Маленькая, потрёпанная карточка три на четыре. Цветная, ещё докатастрофная печать, уже сильно выцветшая. На ней — молодая женщина с ребёнком на руках. Улыбаются. Фотка была согнута пополам, а потом снова расправлена. На обороте синими чернилами, почти смытыми: «Алена и Даша, 2016 год».

Я обомлел и тупо уставился на брата. В комнате стало ещё тише. Даже дождь словно притих на секунду.

— Кто это? — тихо спросил Сашка.

— Не знаю, — так же тихо ответил Дима. — Я не успел посмотреть. Антон сказал, Алина плакала, когда увидела. Говорит, Санёк её всегда с собой носил. Никому не показывал, но давно искал их, людей с этой фотографии.

Эдик встал, подошёл, вырвал пакет из моих рук. Он уставился на фотографию, его лицо дёргалось.

— Что? — голос брата сорвался на крик. — Это она... моя Алёнка. С Дашкой на руках. Как это возможно?

Потом его нижняя губа задрожала, и конец этой фразы утонул в глубоком всхлипе брата. Я сам стоял посреди столовой, чувствуя, как жжёт глаза, не находя, что ответить.

Угрюмое, звонкое молчание наполнило помещение, будто ванну до краёв. И лишь через пару минут я неуверенно произнёс страшную догадку:

— Как видишь, ты не ошибся, братишка. У Алёны действительно был дядя, и звали его Саня. А у него не было семьи, кроме племянницы и её дочери. Такую вот иронию иногда подкидывает нам жизнь.

— У неё... и у меня... у моих дочек... был родственник, — глухим голосом взвыл Эдик, падая на колени, вложив в этот вой всю гамму чувств, на которую сейчас был способен. — Который выжил? А теперь его нет? И мы что, сидеть будем? Он нам последнее «берегите...» не договорил! Берегите своих родных? Себя? А его мы не сберегли?

— Эдик, — жёстко сказал Сергей, не отрываясь от разборки автомата.

— Нет, Серёг! — злобно посмотрев на Сергея, продолжил брат, вскакивая. — Я всё понимаю! Стратегия, осторожность, вся хрень! Но они не просто убрали нашего товарища — они отрезали последнюю нить, связывающую меня с моей погибшей женой! Они не нам — они мне лично в лицо плюнули! Прищучили нашего человека и моего родственника! Теперь мне плевать на их послания! «Вы тут никто. Ваши бумажки от ЧВК — говно. Мы здесь власть». Теперь они получили кровного врага в моём лице, и я не остановлюсь, пока исполнителям, а может, и самим организаторам этого зверства не пушу кровь!

Кровожадные искорки в глазах брата заиграли с удвоенной силой, а его руки лихорадочно проделывали хватательные движения, будто он уже рвал плоть своих врагов.

— И ты предлагаешь доказать, что они победили? — на этот раз я обернулся, чтобы заглянуть в эти страшные глаза. Но я посмотрел на брата не со злостью, а с какой-то бесконечной усталостью, за которой пряталась сталь. — Собраться и пойти штурмовать их штаб? Полагаешь, они этого не ждут? Ты знаешь, сколько у них людей? Где Гордеев сейчас сидит? Где этот Коткас? Ты знаешь, что сегодня, если мы выйдем, нас всех перестреляют и сделают это по закону. А если не все погибнут в замесе, то завтра арестуют остальных выживших и убьют всех. Нас, Ирину, которая нам доверилась и возглавила наш фонд, ребят Антона помножат на ноль или выгонят на свалку тех бедолаг, кто успел воспользоваться нашей помощью. А объявят, что ликвидировали подпольную группировку по «подозрению в терроризме». Наш филиал GTS закроют за «нарушение лицензионного соглашения»! Я полностью разделяю твою боль, братишка, и даже где-то внутри жажду применить к этим тварям их же методы. Но я не могу забыть, для чего мы сюда приехали. Пойми: одна провокация — и мы в глазах всего города останемся не мстителями. Мы останемся бандой мародёров, с которой быстро и легально разберутся их же силовики, а комендант анклава только вздохнёт с облегчением.

— Значит, что? Смириться? — Эдик почти вылетел от бессилия.

— Значит, понять правила их игры, — я медленно подошёл к столу, взял фотографию из ослабевших пальцев брата. — Они играют в систему. В бумаги. В легальность. Они думают, что мы — наёмники с красивой легендой, которую можно задавить бюрократией и одним показа-

тельным убийством. Они проверяют: сломаемся мы или полезем на рожон. И то, и другое — проигрыш.

Я положил фотографию на стол, рядом с картой анклава.

— Наш ход должен быть другим. Не эмоциональным. Не силовым в лоб. Политическим.

— Политическим? — скептически хмыкнул Сергей, вставляя на место пружину. — У нас нет политического веса. Есть документы бойцов GTS, которые теперь они могут легко разорвать. Есть фонд, который они могут заморозить.

— Есть мы, — тихо, но чётко сказал я в мимолётной тишине, наступившей после слов Сергея. — И есть эта фотография Алёны, нам как напоминание тех ставок, на которые мы играем. — Я ткнул пальцем в улыбающиеся лица. — У Фантома была причина воевать с ними. Личная. Теперь она есть и у нас. Но не для мести. Для... легитимности. Они убили не шпиона. Они убили нашего общего родственника и друга. Они показали своё истинное лицо — не администраторов, а палачей. Это наш козырь. Но не сейчас.

Я снова посмотрел на Эдика.

— Первое, что нужно сделать — не мстить. Выжить. Закрепиться. Найти у них слабое место. Не в броне, а в системе. И ударить туда так, чтобы им было невыносимо больно, но они не смогли бы крикнуть «бандиты!». Чтобы им пришлось сесть с нами за стол. На наших условиях.

— И как мы это сделаем? — спросил Сергей, собрав автомат с глухим щелчком.

Я взглянул на часы.

— Завтра утром, поедем провожать колонну и за городом мы выйдем на связь с полковником Бородиным. Доложим ситуацию. А потом пойдём на встречу с Витей. Наш милый, взволнованный управленец из «Комитета» сейчас — самый ценный наш актив. Он знает, где у них болит. И он будет готов на всё, чтобы его собственная шкура не оказалась на том же столе, что и Санька.

Эдик смотрел на фотографию. Ярость в его глазах не угасла, но к ней добавилось что-то ещё — тяжёлое, взрослое понимание.

— И что, он просто даст нам эту точку?

— Он даст, — уверенно сказал я. — Потому что если не даст, то мы проиграем. А Виктор Палыч не любит проигрывать и никогда не допустит проигрыша своей команды. Он любит жить. А чтобы выжить сейчас, ему нужны мы. Сильные и умные.

Я подошёл к доске, где висела схема связей «Комитета». Рядом с портретом Коткаса я прикрепил магнитом ту самую фотографию. Она выглядела чужеродно — личной трагедией на фоне сухих стрелок и фамилий.

— Санёк стал нашей точкой отсчёта, — пояснил я, глядя на карточку. — Не горя. Стратегии. Они начали свою игру, думая, что мы пешки. Пора показать им, что пешки могут дойти до края доски и превратиться в ферзя. И тогда вся доска — наша.

Снаружи снова усилился дождь. Но в столовой уже не было бессильной тишины. Было тяжёлое, сосредоточенное молчание людей, которые только что получили почву, почти ушедшую у них из-под ног. Понятный приказ. Не на атаку. На войну другого рода. Самую сложную.

Эдик последний раз взглянул на белую улыбку Алёны и сонное личико маленькой Дашки, потом поднял на меня глаза.

— Ладно, — выдохнул он. — Показывай, как играть в их игру. Но когда будем бить... бей так, чтобы они эту фотографию навсегда запомнили.

Я кивнул. Не брату. Самому себе. Потому что это было обещание. Не эмоциональное.

Вечер прошёл в немногословной, гнетущей атмосфере. Сергей проверял наш терминал для связи, заряжал батарею, чтобы завтрашний, планируемый сеанс прошёл без сбоев. Алина посидела с нами минут двадцать за чаем и ушла в свою с Сергеем комнату на третьем этаже.

Её тоже морально вымотала эта история, а особенно опустошила трагедия с фотографией, всю горечь которой она осознала одной из первых и пропустила через себя.

Мужики были чуть словоохотливей, только Миша ушёл готовить УАЗ к поездке на утро. Лёша пытался балагурить, хотя сегодня все его шутки отдавали чёрным юмором. Сашка ворчал, взвешивая в разговоре с ребятами, насколько глубока та задница, в которую мы попали. Порой он так сильно жестикулировал, будто нес сквозь стены немыслимые кары на головы наших врагов. Тёма разделял его мнение, соглашаясь с тем, что размер сиденья давно превысил диаметр стульчака. Никита не соглашался, порой перебивал ребят, пытаясь внести в их диалоги хоть немного позитива.

Эдик отмалчивался. Я иногда кидал в его сторону заинтересованные взгляды. Моментами он казался спокойным, а секунду спустя в его глазах снова вспыхивала та самая мутная, животная ярость. Дима молча паковал свой рюкзак, укладывая на дно сухпайки, дополнительную флягу с водой и дополнительные магазины, набитые запасными патронами. Из нас всех он и Сергей казались самыми собранными, чья мотивация продолжать игру не была подточена недавними событиями.

Даже во мне порой начинали шевелиться червячки сомнений, от неприятного щекота которых приходила затравленная мысль: а не бросить ли всё это дело, пока не поздно? Но волевым решением морально-этических норм эти пораженческие мысли комкались и летели в папку с названием «Корзина», расположенную на рабочем столе моего сознания.

29 июня, вторник, 8:15.

На следующий день дождь прекратился, оставив после себя хмурое, низкое небо и липкую грязь под ногами.

Сегодня встал пораньше и, преодолев возражения ребят, один выдвинулся в город. Старт конвоя и нашего выдвижения на оговорённый вчера сеанс связи с базой был назначен на десять утра. А к этому делу стоило заранее, весьма основательно подготовиться.

Теперь я уже двигался к зданию, где расположена штаб-квартира нашего нового, ситуативного партнёра по ослаблению сил верхушки «Комитета». Решил идти как можно раньше, чтобы избежать возможных свидетелей. Так как двери этого заведения открывались в восемь, я не рассчитывал застать на пороге всевозможных просителей и прочих коллег Виктора Палыча.

Со вчерашнего дня тень у нашего дома, так вальяжно менявшая авто, больше не появлялась. Скорее всего, наш с ним недавний разговор по душам повлиял на такое решение. Хотя я совсем не питал иллюзий, что тот небрежный хвост просто уступил своё место профессионалам от «Комитета». Тем, кто работает тоньше, без риска быть так легко вычисленным.

Хозяин кабинета пил кофе с узорной пенкой из маленькой кофейной кружечки, и когда секретарь ввела меня в кабинет, лицо Палыча на секунду нахмурилось, а затем сморщилось в странной эмоции, разгадать которую даже не берусь. В кабинете, помимо Вити, как и в первый раз, находились два шкафа охраны и вездесущий аналитик.

Может, Палыч не ожидал меня увидеть так быстро, или время для такой встречи с Витей я выбрал не самое удачное, но сегодня он глянул на меня чуть укоризненно из-под своих насупленных бровей.

— Доброе утро, Виктор Палыч. Извините, что отрываю от важных дел, — продекламировал я, слегка улынувшись. Тут я взглядом указал на кофейную чашечку в его руке. — Но у меня накопились вопросы, решить которые без вашего совета или даже одобрения я не в силах.

Витя поднялся, бросив недопитый кофе, и напустив начальственный вид, произнёс:

— Какие ещё вопросы, Графов? Вы вчера получили от меня все инструкции, которые обязаны неукоснительно выполнять. А насчёт фонда — я пока не успел направить к Ирине Николаевне своих аудиторов, но можете быть уверены, через день-два они точно займутся проверкой.

При этих его словах мне вдруг стала понятна его первоначальная реакция. Он даже в своём кабинете не мог чувствовать себя по-настоящему свободно и говорить открыто. Сразу видно — опытный делец, который даже подозревает кого-то из ближнего круга в возможности сливать информацию о его переговорах верхушке «Комитета». На жучке его не подловить — ведь тут его территория, и охрана постоянно проверяет здание, моментально найдя утечку. А вот люди...

— Однако если у тебя ко мне вопросы по процедуре, предлагаю пройти в курительную комнату и там обсудить их за сигарой.

Витя ждал моего ответа, набрасывая на плечи дорогое, но неуместное здесь пальто. Сейчас он был не один. И такое предложение было первым знаком — он боялся свидетелей больше, чем меня.

— Я не курю, — мой голос дрогнул, предательски сорвавшись на мгновение, но не от холода, а от осознания реального положения вещей. — Но принимаю ваше приглашение. Так как вопрос и правда срочный.

Я последовал за ним по коридору и оказался в небольшом кабинете с мягкими кожаными диванами, стеклянными столиками и парой шкафчиков с прозрачными дверцами. За ними хранились коробочки различных сигар, пузатые бокалы и несколько бутылок дорогого коньяка. На стене, в стороне от всего, висела старинная, потемневшая от времени литография с видом Таллиннской ратуши. Лампы под мягкими тканевыми абажурами бросали на обстановку мягкий свет, достаточный для приятной атмосферы.

— Присаживайся, — бросил мне Палыч, а сам подошёл к одному из шкафчиков.

Он выбрал себе отраву по вкусу, затем достал из нижнего ящика целый набор хромированных приبلуд. Бросив коробку с ними на стол, хозяин выудил из соседнего шкафчика пару коньячных бокалов и витиевато оформленную в металл и какой-то прозрачный, сверкающий материал бутылку. На горлышке — маленькая красная печать с оттиском, который в полумраке я не разглядел.

Он поставил бутылку на стеклянную поверхность стола с тихим, весомым стуком. Звук был густой, словно от кристалла. Его пальцы — ухоженные, но с тремором уставшего человека — обхватили горлышко, повернули бутылку так, чтобы печать поймала блик от лампы. На секунду на столе вспыхнула крошечная кровавая точка.

— Знаешь, что за коньяк? — спросил Витя, не глядя на меня, внимательно следя за тем, как он счищает печать специальным серебряным ножом из набора.

Вопрос повис в пропитанном табачным дымом и дорогой кожей воздухе. Он звучал не как проверка эрудиции. Слишком уж тихо. Слишком уж весомо. Это был ключ, который он вставлял в замок нашей беседы. От моего ответа зависело, повернётся ли этот ключ к нашему союзу или к очередной ловушке.

Я посмотрел на бутылку. На этот сверкающий саркофаг для алкоголя, переживший конец света. Что я мог знать? Я знал запах пороха, железный вкус воды из фляги и цену патрона в разных частях погибшей страны.

— Нет, — сказал я честно. — Не знаю. Но судя по тому, что вы его достали, а не одну из тех, — я кивнул на шкафчик, — вопрос не в названии. А в цене. Или в истории.

Витя наконец оторвал взгляд от бутылки. В его глазах мелькнуло что-то вроде удовлетворения. Я не стал врать и не стал пытаться блеснуть. Я перевёл разговор в его язык — язык стоимости и подтекста.

— И в том, и в другом, — он аккуратно, почти хирургически, начал откупоривать бутылку. Тихо зашипела пробка. — Это «Чудо в ларце». Hennessy. Было их... выпущено всего сто бутылок до апокалипсиса. А теперь... — он плеснул янтарной жидкости в оба бокала, — теперь это история в хрустале. Её не пьют. Её вспоминают. Или используют, чтобы произвести впечатление. Как ты думаешь, зачем я её сейчас открыл?

Тем временем мой визави, снял упаковку с выбранной сигары, щёлкнув специальной гильотинкой, срезал с неё кончик и обмакнул его в коньяк. Закурил и протянул мне бокал. Аромат — тёплый, сложный, с оттенками ванили, дуба и чего-то неуловимого, утраченного — ударил в нос, показавшись почти неприличным в этой комнате, за стенами которой лежал бандитский город, а на его окраинах руины и грязь.

Я взял бокал, но не поднёс к губам.

— Чтобы показать, что разговор наш — из той же категории, — ответил я. — Редкий. Дорогой. И требующий особого... настроя. Вы открываете историю, Виктор Палыч. Я слушаю. Но моё время, в отличие от этого коньяка, не бесконечно. Этот Коткас («Орёл», и ведь действительно, стервятник) и остальные, судя по тому, что они позволили себе с моим человеком, считают, что наше время пришло. Давайте решим, чьи часы тикают громче — их или наши.

Витя замер с бокалом у губ, его глаза сузились. Игра в тонкие намёки была окончена. Я назвал имя и поставил на стол наш общий страх. Теперь ему предстояло решить, стоит ли эта бутылка, это «Чудо в ларце», того, чтобы ради неё рисковать шкурой здесь и сейчас.

Одним словом, после продолжительных посиделок нам удалось прийти к взаимопониманию. Пусть и не сразу, но в итоге Виктор Палыч сдал мне точку давления на Коткаса, тем самым ослабляя и бросая тень на его могущественных покровителей. Теперь мне будет о чём говорить с командованием, ведь я получил место для применения силы своего мифического Центра из далёкого Таллинна. Я понимал, что полученная информация касается только личных интересов мелких сошек из «Комитета». Палыч отлично взвешивает риски и не станет мне сливать что-то серьёзное, во всяком случае пока. А нам пора отправляться на встречу с конвоем, ведь до его отправления оставалось не больше сорока минут.

Колонна грузовиков под охраной группы Антона уже гудела движками на окраине рынка — три готовых грузовика, окружённые его бойцами.

Проводы были короткими и мрачными. Мы тепло попрощались с его ребятами, как с закадычными друзьями, братство которых только укрепила общая беда. Антон, с тёмными кругами под глазами, пожал Сергею руку, сжал так, что кости хрустнули. Я видел, как он жмёт ладонь именно Сергею, а не мне. В его глазах читалось: ты — островок здравого смысла. На тебя одна надежда. Видимо, Антон и правда связывал успех миссии с ним, как будто вся его картина будущего сконцентрировалась на фигуре Сергея. Понятная реакция, обычно человек в трудной ситуации всегда более всего рассчитывает на помощь друга, чем на возможную подмогу со стороны незнакомых людей.

— Не подведи, «Серый», — пробурчал он. — Мы уезжаем в безопасное место, а вам тут ещё долго придётся вертеться, как белки в колесе. Если что — радируй. Вертолёт на вызов не пришлют, а мы — можем подъехать в крайнем случае, вытащить вас, а вернее прикрыть отход. Договоритесь с Соколовым... Он, в общем, думаю будет не против нас привлечь, если это будет... внештатная операция. Неофициально.

Сергей кивнул. Это был ценный козырь. Возможная поддержка военных, даже теневая, значила в этой игре больше, чем батальон штурмовиков.

— Держите связь. Скоро будут новости.

Колонна тронулась, увозя с собой часть нашего буйного запала, но и часть оголённых нервов. Мы потянулись следом на УАЗе, пару километров проводим ребят, а там и найдём место для связи с частью. Наши друзья вернутся сюда совсем не скоро, возможно только со следующим конвоем. Если командование вообще решит рисковать и не привлечёт другую группу в качестве охраны. Теперь в городе оставались только мы — и наше прикрытие стало тоньше, а значит, рискованнее.

Колонна растворилась в серой дали за поворотом, оставив после себя лишь запах солянки да грязь на обочине справа. Наш УАЗ, фыркая, свернул с основной дороги на старую лесную просеку. Место для связи Сергей присмотрел заранее — полуразрушенная будка лесника на

пригорке, прикрытая со всех сторон чахлым, но плотным берёзовым молодником с редкими группами ёлок по краю просеки. Зона уверенного приёма.

Вылезли, размяли затекшие спины. Воздух пах сырой хвоей и прелью. Тишина стояла гулкая, почти физическая, после городского шума.

— На двадцать минут, — сказал Сергей, устанавливая терминал на капоте. — Не больше.

Я кивнул, отошёл в сторону, дав ему пространство. Эдик, закулив, уставился в лесную чашу, но по напряжённой спине было видно — он весь внимание, ловит каждое слово. Дима и Лёха встали в условный периметр, спинами к нам.

Зашипел динамик, потом — ровный, лишённый помех голос. Зенит, он же Кузьма Соколов, наш куратор и второе лицо командования во всей операции.

Приём Зенит, принимаем чисто! Нам бы с полковником переговорить, дело срочное, а сеанс ограничен, так как свободным временем не располагаем.

В наушниках послышался лёгкий писк, а через секунду капитан ответил:

Понял вас Волки, постараюсь побыстрее организовать вам сеанс, какая лакуна по времени есть?

Принял, сеанс связи в пределах двадцати минут, срочный вызов, выехали колонну сопровождать на первом отрезке пути, она ушла совсем недавно, так что нужно срочно возвращаться, но будем ждать Бородин. Если не успеем, тогда запишешь инфу и передашь на аналоговом носителе.

Принял, занимаюсь вашим вопросом, в случае неудачи пришлю повторный вызов минут через десять - пятнадцать, конец связи!

Сергей глянул на меня, я немного опустил веки, мол нормально, такой лаг не критичен.

Серёга утвердительно кивнул и приняв из моих рук гарнитуру, нацепил её себе на уши, весь превратившись в слух.

Но ждать пришлось недолго, Эдка докурил сигарету и почти сразу поступил ответный вызов. Сергей тут же протянул мне наушники, произнес лишь одно слово - Бородин.

Полковник Бородин никогда в экстренных случаях не тратил время на прелюдии.

— Докладывайте, «Волки» как обстановка, как ваши люди?

Я взял микрофон. Голос мой звучал чужим, как будто его натягивал на себя другой человек. Холодный, отчётливый, без тени вчерашних эмоций.

— Ситуация в анклав, статус «Туча». Противник — «Комитет». Совершенно демонстративное устранение нашего внешнего контакта, объект «Фантом». Цель — проверка нашей реакции и операционных пределов. Прямая силовая эскалация неприемлема, ведёт к гарантированной потере легенды и срыву миссии.

Я сделал микропаузу, давая ему осмыслить. В эфире — тишина.

— Однако безответные действия приведут к аналогичному результату в среднесрочной перспективе. Противник воспримет их как слабость и начнёт методичное удушение. Предлагаю решение: операция под ложным флагом. Точечный удар по личному, нелегальному активу ключевого агрессора внутри структуры «Комитета», некого Коткаса. Удар наносится силами, атрибутированными под наше легендарное прикрытие, ЧВК «GTS». Цель — не уничтожение, а политический сигнал. Продемонстрировать автономные силовые возможности центрального аппарата GTS и перевести конфликт из плоскости административного давления в плоскость невыгодной для «Комитета» гибридной войны.

— Риски, — без интонации бросил Бородин.

— Раскрытие связи удара с вами. Недопустимо. Для операции требуются чистые исполнители в соответствующем обмундировании. А также гарантии пассивности местных силовых структур на время проведения.

— Цель? — спросил полковник.

— Склад номер восемь на нефтеналивном терминале на востоке страны, я получил все координаты места. Частная схроновая база Коткаса. Охрана — его личные люди, не связанные напрямую с «Комитетом». Данные по объекту получены от завербованного источника внутри структуры. Полный пакет готов к передаче.

На том конце провода зашуршали бумаги. Потом — отчётливый звук зажигалки. Бородин курил, обдумывая.

— Ваш прогноз реакции «Комитета»?

— Раскол. По данным источника, высшее военное руководство «Комитета» (условно «батя») практикует невмешательство во внутренние конфликты подчинённых. Гордеев, командир их службы безопасности тоже, он получит веский повод избавиться от проблемного, алчного подчинённого, который втягивает организацию в конфликт с внешним игроком. Мы дадим ему возможность сделать это с сохранением лица. Давление на нашу группу должно ослабнуть. Мы получим оперативную передышку и политический капитал для следующего этапа — внедрения в управленческие структуры анклава.

— Сроки?

— Подготовка — двое суток. Проведение — на третьи. Чистая работа, не более часа. Необходимое условие, - минимализация жертв среди бойцов структуры. Работа с РЭБ, применение нелетальных средств в случае такой возможности. Обязательное отсечение гражданских специалистов и обеспечение их безопасности. Там люди подневольные, а филигранная работа добавит нам дополнительные политические и репутационные очки, для развития диверсионной деятельности.

Последовала долгая пауза. Мы с Сергеем переглянулись. Эдик замер с зажигалкой в руке.

— Операция «Репетиция» санкционирована, — наконец прозвучало в наушнике. Голос был твёрже стали. — Канал «Нептун» будет предоставлен. Вы получаете группу «Альфа», они же легендированный второй разведвзвод на шесть часов. Окончательный план, цели и схему отхода группы мои сослуживцы выработают сами, вам лучше напрямую не светиться. Лучше отдыхайте и набирайтесь сил. Как примем рабочую схему и утвердим с их командиром, сразу начнём подготовку. Я так понимаю анклав глушит входящие сеансы и связаться с вами не получится. Я посоветовался со специалистами, в вашем случае есть такое решение:

Передай Сергею, пусть использует иридиум только для отправки данных. Лучше работать через протокол SBD – Short Burst Data. Это не голосовая связь, он сможет отправлять короткие текстовые вспышки. Приём возможен, но это будут отдельные такие же короткие сеансы, когда мы ответим.»

В планшете, вернее в спецпрограмме нужно выбрать "Экстренное сообщение" или "SBD". В программе уже создан шаблон «ЭКСТРЕННО». В поле получателя забит IP-шлюз, адрес нашего штаба. Если у вас что-то пойдёт не по плану, отправляйте условные фразы. Как обговаривали. И у нас, в случае необходимости передать вам новые данные о состоянии подготовки Альфы или узнать детали и подробности, важные для этой подготовки, будет надёжный канал. Там уже, как мне сообщили, нет ничего сложного, нажимаете "Отправить". На экране должна появиться надпись Sending и начинается обратный отсчет. Текстовое сообщение (SBD): Это сверхкороткая "вспышка" данных длительностью менее 2-5 секунд. За такое время, даже современной РЭБ-системе сложно обнаружить и заглушить сигнал.

Как поняли Волки?

Понял Зенит, ответил я озадаченно, постараемся настроить систему как вы подсказали, думаю Сергей разберётся!

Отлично, в наушниках снова раздался уверенный голос полковника. Роман, а теперь скажу самое главное, хочу чтобы ты понимал риски и последствия. В случае провала операции и раскрытия противником наших бойцов — вам придётся исчезнуть не только из анклава. Вы исчезнете из всех рапортов. Поняли?

— Понял, — выдавил я. В горле пересохло. «Исчезнете из всех рапортов». Значит, даже возможности вернуться в часть не будет. Останутся только тихие пересуды в коридорах штаба: «Группа «Волк» не выполнила задачу. Ликвидирована».

— Держитесь Волки, после окончания операции, жду от вас отчёт об изменении ситуации в анклав. Отбой связи!

Связь прервалась. В лесной тишине снова воцарился лишь ветер в вершинах берёз.

Сергей методично стал складывать аппаратуру.

— «Альфа», — пробормотал он. — Ваши друзья из разведроты. Значит, будут профессионалы. И море проблем, если что-то пойдёт не так.

Эдик швырнул зажатый в пальцах и давно потухший окурок себе под ноги, растёр его сапогом.

— Ну что, стратег? Получили свою войну чужими руками? — в его голосе звучала не злоба, а горькая, усталая горечь.

— Не войну, — поправил я, ощущая тяжесть только что полученных полномочий. — Инструмент. И очень ограниченное время его применения. — Я повернулся к нему. — Твоя очередь, Эдик. Возвращаемся в город. Тебе нужно сделать наш фонд крепостью. Чтобы к моменту удара по Коткасу никакая проверка не нашла ни одной щели. И по Алёне, ей тоже ты будешь заниматься, а ребят завтра переведу на другие задачи. Это теперь твоя война. И от неё зависит, сможем ли мы переиграть местных шишек из Комитета, а ещё, выживем ли мы после первого же нашего выстрела.

Он молча кивнул. Ярость в его глазах наконец уступила место другому чувству — сосредоточенной, неумолимой решимости. Он получил свой фронт.

— А мы? — спросил Лёха, подходя.

— Мы, — сказал я, мысленно глядя на контурную карту сфер влияния анклава, где уже горела точка склада №8, — начинаем готовить сцену. Для одного очень показательного спектакля. Где этот ошипанный орёл сыграет роль разбитого горшка. А мы будем режиссёрами, которых никто не должен увидеть.

Мы сели в УАЗ. Двигатель зарычал, нарушая лесную тишину. Обратный путь предстоял молчаливый. У каждого в голове уже крутились шестерёнки нового плана.

Глава 3: Скальпель для Орла

Обратная дорога не заняла больше двадцати минут. Сначала ехали молча, но вскоре Сергей нарушил молчание, решив пересказать мне события двух дней, во время нашего отсутствия в анклав, ведь вчера было совсем не до того. Из его слов выходило, что нас разгадали, и третий выезд на свалку не остался незамеченным. В груди похолодело. Значит, Саньку убили не просто для устрашения. Его убили как следствие нашей ошибки? Возможно, именно эти события и сыграли роль триггера для «Комитета», заставив его приступить к открытым действиям после нашего возвращения, хотя это всего лишь мои догадки.

...Саня на базе остался, ну и Алину мы дома оставили, выдвинулись вчетвером, — улыбуясь, начал Серый.

Оторвавшись от своих невесёлых размышлений, я уставился на него, ожидая продолжения истории.

Сергей понял мой взгляд без слов и продолжил:

— Не девке же тяжёлое железо ворочать. А как за КПП выехали, вижу в зеркале — мы не одни. Позади нас незнакомый джип катит. Далеко так, метров четыреста дистанцию держит и не приближается. Ну, мы с Лёхой переглянулись и решили не торопиться. Спокойно свернули к свалке, а там, немного поплутав по остаткам завода, нашли кое-какие станки. А джип тот, судя по всему, остался на дороге, возле съезда в промзону. Иначе мы бы услышали его движок, если бы он проехал мимо. И что ты думаешь, нам пришлось в том цеху больше шести часов торчать, изображая кипучую деятельность. Шумели, двигали оборудование, вслух читали маркировки, курили, смеялись. Попутно выбирали и закидывали через борт нужное железо в кузов. Лёха, так как у него кронштейн с мощной оптикой с собой был, под шумок полез на фермы перекрытия — благо по ним кран раньше ходил и лестницы имелись. Он сверху присматривал за подходами к зданию, если вдруг хвост решит нам сюрприз устроить. Правда, обзор там никакой: соседнее здание закрывало вид на дорогу, ну хоть улица просматривалась. Часа через два я отправил Тёму и Никиту к Яну. Они подхватили рюкзаки и скрытно, по лесу, добрались до свалки. Передали продукты и чёткие инструкции, смогли даже обсудить с ним стоящие на повестке вопросы.

— И джип так и не появился? — переспросил я, уже догадываясь об ответе. — Просто исчез?

— Именно. Часа через четыре, когда пацаны вернулись и мы уже принялись грузить последнее, Лёха решил поискать себе другую точку для наблюдения в здании напротив. Ушёл и минут через пятнадцать доложил по рации: на дороге пусто.

— Странно, Серёга. Думаешь, наблюдатель просто ушёл, не дождавшись? Или просто убедился, куда вы зашли? — задал я очередной вопрос, бесполезно морща лоб.

— Сложно сказать, Ромка. Был бы обзор — мы бы знали точно. А вариантов, кстати, на самом деле не так много. Тот хвост мог нас проводить и сразу вернуться в город, убедившись, что мы поехали именно туда, куда и заявляли. Или люди в том джипе постояли какое-то время на развилке, послушали, что происходит в здании. Прикинули, что на штаб сопротивления или чёрный рынок это место совсем не похоже, тогда и решили раствориться, лишний раз не мелькая у нас перед глазами физиономиями своих агентов.

— Ну да, похоже на правду, — напряжённо выдохнул я. — Ведь агенты «Комитета» на дебилов не тянут. И лишний риск им совсем не к чему.

После этих слов я отвернулся к окну. А в мозгу волчком завертелась назойливая мысль. Хоть бы Бородин успел ребят из разведроты подготовить как надо, до начала наших ответных действий. Пусть там все без исключения матёрые ветераны, но и противник наш тоже не лаптем щи хлебает.

1 июля, четверг, 13:00.

Двое суток. Сорок восемь часов, наполненные металлическим привкусом ожидания. База превратилась в улей, где каждый занимался своим делом с тихой, сосредоточенной яростью. Вечерами за окном стелился туман, будто город задержал дыхание, прислушиваясь к отзвукам выстрелов, которых ещё не было.

Мы работали. Эдик и Ирина превратили документацию фонда в неприступный бастион, каждую цифру и подпись доводя до состояния броневой стали. Лёха и Дима, под видом закупок для благотворительной кухни, совершали короткие вылазки на рынок и мимоходом к границам промзоны, где активность слежки внезапно выросла. Никакого прямого наблюдения — только фиксация городских патрулей и наблюдателей «Комитета», их маршрутов и интервалов. Картина прояснялась: патрули действительно усилились, но фокус их внимания сместился. Они искали не «Волков», а признаки «внешнего вмешательства» — чужаков, незнакомые машины, сбои в связи. Гордеев, судя по всему, воспринял наш сдержанный уход с телом Санька как слабость, не подозревая возможную подготовку к чему-то большему. Система напряглась, но смотрела не совсем в ту сторону.

Сергей же дневал и ночевал у терминала, пытаясь настроить проклятый протокол SBD по инструкциям Бородин. Его обычно каменное лицо иногда искажала гримаса тихого бешенства — связь в анклав глушили наглухо, и даже короткая «вспышка» данных была рискованным предприятием.

На исходе вторых суток, за час до обеда, Сергей вошёл в столовую. В руках он держал планшет терминала, который я не видел с момента выдачи снаряжения в части.

— Пришло, — коротко бросил он, протягивая мне аппарат.

На экране горели три группы шифрованных цифр: 68.154.23 / 0415.

Я глянул на порядок — всё понятно, Серый. Координаты сетки и время. Не место для встречи. Время для приёма сообщения.

Серёга хмыкнул и достал наш связной журнал, а затем специальный трафарет для расшифровки сообщения.

Бородин работал на опережение. Через несколько часов, в самой передаче, мы получили дополнительные инструкции. Командование изменило первоначальный план, и теперь нам предстояла встреча с представителями разведроты. Также «Волкам» был поручен выбор точки randevu, которая должна находиться не очень далеко от города, но в безопасном месте и на нейтральной территории. Тем более что депутация «Альфы» к этому времени выехала из части и находилась где-то неподалёку. Скорее всего, на подходах к зоне влияния анклава и запрашивала финальный брифинг.

Я подключил к поиску такой точки почти всех свободных ребят, кроме нескольких. Лёха и Дима были вынуждены заниматься павильоном — ведь несмотря ни на что, мы обязались вести торговую деятельность. Лёшка на первых порах взял на себя роль продавца, а Димка трудился на ниве обустройства склада и прочих сопутствующих работ. Поэтому ребята пропадали на рынке с раннего утра до шести вечера. Алина хоть немного оправилась от потрясения, но мы решили впредь не нагружать её сверх меры вплоть до полной поправки психики. Теперь у неё оказалась масса свободного времени для воплощения своей идеи — организовать на базе идеальный фельдшерский пункт. Сашка тоже не принимал особого участия в поисках: после ухода Лёшки в бизнес он взял на себя его задачи по наблюдению, сохранению порядка и обороне базы. Но наши с ребятами совместные умственные потуги вскоре позволили отыскать вполне рабочую точку randevu. Выбрали заброшенную метеостанцию в сорока километрах к юго-востоку, за пределами зоны регулярного патрулирования и слежки агентов «Комитета». Место, обозначенное на наших, ещё полученных от Соколова, спутниковых снимках как возможный «резервный пункт для связи». Туда, по слухам, иногда заходили мародёры. Идеальное место, чтобы не привлекать внимания.

Вскоре пришёл ещё один сигнал, подтверждая выбранную точку и короткий код — время встречи. Полученный код Сергей расшифровал как 1:30. А за полтора часа до назначенного времени мы выдвинулись втроем: я, Сергей и Никита. Нам было необходимо проверить точку на предмет любых сюрпризов до прихода команды «Альфа».

Мы подъехали в сумерках, заглушив двигатель «Патруля» на съезде с шоссе за километр от места, решив пройти последний отрезок пешком. Лес здесь был гуще, воздух прохладнее и чище, без привкуса городской гари и страха.

Их было четверо. Словно призраки, они выплыли из тумана у развалин кирпичного здания без единого звука. Ни одного лишнего движения. Камуфляж без шевронов, оружие — ухищренное, смесь старого доброго АК-сотой серии с современными планками и новеньких винтовок НАТО. Всё добротное, пристрелянное, с глушителями. Лица скрывали балаклавы, но командира я узнал сразу. Даже с затемнённым в тених лицом — по осанке и характерному, чуть шаркающему шагу.

«Дубинин», как я его называл, по документам — капитан Индрек Тамм, командир второго взвода разведроты. Позади него также знакомые лица — старлей Тарасов и лейтенант Волков, командиры отделений взвода. Позади них, вполоборота, стоял, прикрывая им спины, пока никак не идентифицируемый мной четвёртый боец. Мы пересеклись с ними под хутором, когда его бойцы и ребята мотоманевренной группы вытаскивали нас из задницы, в которую мы попали благодаря одной наглой банде, что решила обосноваться неподалёку от нашего дома. Эти уголовники тогда захватили целый дачный посёлок в семи километрах от нас, а вскоре решили пощупать и отдельные хутора в той местности. От их авангарда мы отбились сами, но оставался риск, что вернётся основной состав с целью отомстить. Но Бородин срочно принял решение, и на следующую ночь направил к нам этих ребят с целью уничтожить бандитское гнездо и спасти захваченных мирных жителей. Четвёрка из наших приняла участие в операции, и общими усилиями нам удалось уничтожить бандитов.

— Чего встал? Пошли поздороваемся, — легко толкнул меня плечом Сергей, проходя вперёд.

И правда, при виде друзей на меня накатила волна воспоминаний да так сильно, что я не успел осознать, что остановился на полпути от них.

Тарасов, видимо узнав, протянул мне руку. Его короткая, коренастая фигура и манера чуть наклонять голову, будто прислушиваясь не к словам, а к тишине между ними.

Я ответил на рукопожатие старлея, затем пожал ладонь лейтенанту, но тут ко мне обратился сам Дубинин.

— Громов, — его голос был низким, будто пропущенным через гравий. Он не стал для проформы жать руку, лишь кивнул на Сергея и Никиту, занявших позиции по периметру. — Ты стал тоньше. И злее. Рассказывай, что тут у вас за зоопарк.

Мы спустились в полузаваленный подвал, где Никита разложил на каком-то ящике карту, спутниковые снимки, фотографии и схемы. Сергей начал доклад, сухой и чёткий, как отчёт о минной обстановке. Данные по складу №8, расписание, силы охраны, последние наблюдения за патрулями «Комитета» на подходах к нефтеналивному терминалу. Данные о содержимом склада №8 — не только оружие и боеприпасы Коткаса, но и тонна медицинских препаратов с истёкшим сроком годности, которые он продавал втроедорога бедолагам на чёрном рынке.

Капитан слушал, не перебивая. Его люди молча изучали материалы. Четвёртый боец, высокий и сухопарый, с глазами снайпера, тыкал пальцем в аэрофотосъёмку с их дронов.

— Здесь, на западной стороне, — его голос был беззвучным шёпотом, — на дороге замечены тепловые следы. Не от грузовиков. От людей. Засада?

— Нет, — ответил Сергей. — Бомжи. Там под навесом ночуют. Мы проверяли сутки назад. Они боятся подходить к самому складу — охрана отстреливает.

— Проверим ещё раз, — отрезал капитан. — Не будем полагаться на вчерашние данные. Это раз. Два — твоя политическая возня. — Он посмотрел на меня. — Какая главная цель этой акции? — спросил капитан, изучая мою реакцию.

— Политический сигнал, — чётко сказал я. — Не ликвидация. Демонстрация возможности длинной руки. Уничтожить схрон. Конфисковать препараты, если успеете. Оставить... знак.

— «Знак», — продумывая варианты, ответил Дубинин.

— А как вам такой знак? — приподнял бровь незнакомый боец «Альфы», высокий, сухопарый. — «GTS. Следующий — ты». Надпись на стене. Буквами из обрезков тротиловой пашки. Аккуратно.

Капитан хмыкнул. Едва заметная улыбка тронула уголки его глаз.

— Любишь поэзию, Громов. Ладно. Принимаем. У нас есть своя информация. Коткас — мразь. Его люди — отбросы, насильники и мародёры. Официально «Комитет» от них открещивается. Неофициально — закрывает глаза на их бизнес за долю. Гордеев использует их как грязные руки. Идеальная мишень для показательной порки.

— Отлично. Мне надо, чтобы они задумались, — сказал я. — Чтобы Гордеев увидел не угрозу анклаву, а проблему в лице своего же алчного подчинённого. Чтобы у него был повод эту проблему устранить, сохранив лицо. Надпись — доказательство, что это не внутренние разборки, а работа внешнего игрока. Аккуратное, но заметное.

— Аккуратное, — командир отделения «Альфы», лейтенант Волков, с бычьей шеей и спокойными руками сапёра, хмыкнул. — А если его люди будут сопротивляться не по сценарию? Если придётся чистить?

— Минимальные потери, — повторил я. — Они отребье, но не фанатики. Дезорганизуйте, обездвигайте. Цель — склад, не они.

— Цель, — поправил Дубинин, — выполнение задачи с нулевой связью с вами и Бородиным. Если придётся стрелять на поражение — будем стрелять. Наша жизнь дороже вашего понятия о «сигнале». Договорились?

В его глазах не было жестокости. Была абсолютная, ледяная прагматика. Он был прав.

— Договорились, — кивнул я.

— Третий вопрос, — командир взвода сложил карту. — Твоё алиби. Точное время.

— Операция начинается в 03:00, — сказал я. — В 02:45 я буду в кабинете местного воротилы. У нас назначена «внеплановая встреча по вопросам фонда». Я буду там до 03:30 минимум. Свидетели — он, его охрана, возможно, его подручный.

— Хорошо, — капитан удовлетворённо хмыкнул. — Значит, громыхнуть надо ровно в три. Чтобы звонок о «происшествии» пришёл к нему, пока ты сидишь у него в кабинете. Элегантно. Четвёртое. Канал экстренной связи. Если всё пойдёт к чертям и нам придётся уходить не по плану «А», а в сторону города.

Я посмотрел на Сергея. Тот кивнул.

— SBD. Short Burst Data. У нас настроен шаблон. Код «Туман» — операция завершена, отход по плану. Код «Гроза» — сбой, нужна точка встречи «Дельта». Код «Штиль» — провал, выходите самостоятельно, контакт разорван.

Дубинин запомнил коды, просто моргнув. Его люди повторили про себя.

— Последнее, — я достал из нагрудного кармана сложенный листок. — От нашего источника внутри «Комитета». Сегодня утром. К Коткасу на склад приехал грузовик с бочками. Не ГСМ. Надпись «Химреагент-4». По слухам, это прекурсор для самогонного завода. Высоколетуч. Если это правда... осторожнее с огнём.

Волков взял листок, изучил.

— Спасибо. Это меняет расстановку зарядов. Если там и правда легковоспламеняющаяся химоза... сигнал будет ярче, чем ты планировал.

— Не нужно яркости, — быстро сказал я. — Нужно чисто.

— Чистота, Громов, — Дубинин встал, его тень на сырой стене казалась огромной, — это когда задача выполнена, а тебя никто не нашёл. Всё остальное — эстетика. Мы постараемся обойтись без фейерверков. Но если эти уроды решат устроить из своего схрона погребальный костёр... мы не будем их отговаривать.

Он посмотрел на часы.

— Уходим. Следующий контакт — только по экстренному каналу. Или никогда. Удачи вам тут... в вашем аквариуме с пираньями.

— Не везенье, а расчёт, — автоматически ответил я его же фразой, которой он когда-то меня научил.

Уголок его губ дёрнулся в подобии улыбки.

— Вот и славно. Значит, помнишь. — Он сделал едва заметный жест рукой, и его люди растворились в полумраке подвала, как будто их и не было. Через мгновение исчез и он сам.

Мы вышли на поверхность. Рассвет только-только начинал размывать чёрный цвет неба до тёмно-синего. Было прохладно.

— Ну что, режиссёры? — тихо спросил Никита, заводя двигатель «Патруля». — Актёры готовы. Декорации проверены. Осталось дожидаться начала спектакля.

— Не спектакля, — поправил я, глядя в ту сторону, где исчезли парламентарии. — Хирургической операции. И мы только что передали скальпель в нужные руки.

Обратная дорога была молчаливой, но на этот раз в тишине не было бессилия. Была концентрация перед выстрелом. Запланированным, рассчитанным, неотвратимым.

Наш план обрёл плоть и кровь. Имя ему было «Альфа». И теперь часы, тикающие у нас в головах, были синхронизированы с их часами. Осталось только сыграть свои роли.

2 июля, пятница, 02:30.

Я проверял ремень кобуры на поясе под курткой. После начала нашей возни Виктор Палыч усилил режим своей охраны и предупредил меня не брать на встречу с ним оружие, так как охранники лютовали и устраивали досмотр каждому на входе в здание. Поэтому пистолет останется в машине. Но без него я чувствовал себя голым. Эдик молча протянул мне тонкий, плоский нож в кожаных ножнах, который крепился на предплечье под рукавом.

— На всякий. Мы с тобой едем к Палычу, а сейчас не совсем понятно, что от него ожидать. Вдруг он при первом же шухере решит сдать нас как стеклотару.

Я кивнул, принял нож. Сергей у терминала поднял большой палец — связь стабильна, шаблоны SBD готовы. В его глазах читалось то же напряжение, что и у всех. Он был нашим якорем, и сейчас якорная цепь была натянута до предела.

Без четверти третьего я вошёл в здание приёмной хозяина рынка. Охрана, четвёрка brutальных парней с бесстрастными лицами, обыскала меня и сразу нашла нож. Подошедший начальник охраны посмотрел на меня, как на провинившегося ребёнка, потом на список ожидания у секретаря, где значилось: «Графов. Срочно. По личному распоряжению В.П.».

— Роман, вас же предупреждали, никакого оружия. После приёма заберёте.

Я пожал плечами, не зная что ответить, и поднявшись на второй этаж, прошёл в кабинет. Внутри располагалась ещё четвёрка бойцов — личные телохранители хозяина. Некоторых из них я уже раньше видел. Виктор Палыч сидел за столом. Он не выглядел сонным. Он выглядел сосредоточенным, как игрок перед решающей партией. На столе не было коньяка. Только папки и планшет.

— Ну что, Графов, — сказал он без предисловий. — Вы готовы к аудиту? Мои люди будут у вас завтра с утра.

— Мы готовы предоставить всё, что необходимо, Виктор Палыч, — я сел в кресло, положив на колени пустую папку для вида. — Но у меня есть вопросы по распределению. В частности, по тем самым... неудобным адресам.

Мы погрузились в обсуждение. Я тянул время, задавая кучу уточняющих вопросов. Витя отвечал, иногда раздражаясь, иногда вдаваясь в детали. Его взгляд то и дело скользил к часам на стене. Стрелки неумолимо приближались к трём часам ночи.

Где-то в сорока километрах отсюда, в кромешной тьме, едва различимые тени подошли к периметру склада №8. «Дубинин» должен был отдать последнюю команду.

Я говорил что-то о нормах выдачи сахара для детей, глядя в лицо Вите, лишь боковым зрением наблюдая, как пухлая минутная стрелка замирает на отметке двенадцать. А в этот самый момент где-то там...

Должен был щёлкнуть выключатель на портативной РЭБ-станции, заглушив связь на складе. А ещё через несколько мгновений бесшумно упали в грязь двое часовых на дальнем посту. И начался обратный отсчёт.

Минут через двадцать дверь кабинета распахнулась. Вошла не охрана, не секретарь. Вошёл аналитик в очках, тот самый, что являлся бесшумной тенью за спиной Виктора Палыча. Его лицо было неестественно белым. Он что-то прошептал на ухо своему патрону и бессильно плюхнулся на стул.

Тот замер. Его пальцы, лежавшие на столе, слегка задрожали. Потом он медленно поднял на меня взгляд. В его глазах бушевала буря: шок, ярость и — да, то самое, дикое, неподдельное удовлетворение. Он понял. Прямо сейчас, в эту секунду, он получил известие.

— Простите, Графов, — его голос звучал хрипло, но он взял себя в руки с впечатляющей скоростью. — Срочное сообщение. На нашем нефтеналивном терминале... произошёл инцидент. Пожар. Взрыв.

Я изобразил на лице удивление и обеспокоенность.

— Взрыв? Среди ночи? Это... нападение?

— Похоже на диверсию, — отрезал Витя, не сводя с меня глаз. А его взгляд говорил: «Ты сумасшедший гений. Это сработало».

— Патруль уже на месте. Мне нужно... разобраться. Встреча окончена.

Я поднялся, взял свою пустую папку.

— Надеюсь, последствия будут минимальны, Виктор Палыч.

— О, будь уверен, — в его голосе прозвучала ледяная, торжествующая горечь. — Последствия... будут именно такими, какими им и положено быть. Погоди Графов, давай там без глупостей и готовь фонд к аудиту. Бросил последнюю фразу дядя Витя и протянул мне руку для рукопожатия.

Я проделал ответный жест и слегка сжав руку, почувствовал, как в ладонь упёрся острым краем какой-то предмет.

Попрощавшись вышел, сжимая в руке клочок мятой бумаги, затем забрал у охраны свой нож. На улице, в холодном ночном воздухе, я сделал первый глубокий вдох за последний час.

В кармане у меня тихо запищала радиостанция. Я достал её, отошёл в тень.

На небольшом экранчике горело только одно слово, переданное по протоколу SBD с терминала Сергея: «ТУМАН».

Операция «Репетиция» завершена. Отход по плану.

Первый шаг был сделан. Теперь нужно было ждать, как отреагирует система. Как поведёт себя Гордеев. И как нам играть дальше, когда шахматная доска только что сотряслась от первого мощного удара.

Взглянув на небо я убедился, в восточной части неба, за гребнем холмов, встало алое зарево. Небольшое, но яркое. Сапёры из «Альфы», судя по всему, сработали отлично. Кто-то из них всё-таки решил устроить фейерверк, видимо из любви к искусству. Сигнал получился ярче, чем планировалось. Оставалось надеяться, что он был достаточно ясным для тех, кому предназначался.

На выходе из обители Виктора Палыча, помимо охраны на просторном крыльце меня ждал брат. И только что захлопнувшаяся дверь отрезала нас от личного пространства хозяина рынка, полного дорогого коньяка, табачного дыма и тщательно скрываемого страха. Эдик, прислонившись к колонне на входе, выдохнул так, будто скинул с плеч мешок с цементом.

Я уж думал тебя живым не выпустят, ну как всё прошло? Нервно поглядывая на вооружённых мордоворотов, спросил Эдик.

— Штатно. Он слил нам Коткаса, — тихо сказал я, правда прозвучала моя фраза, без свойственной мне уверенности. — Сдал своего же, чтобы ослабить Гордеева и пока не спешит нас сливать.

— Он сдал не своего, — поправил Эдик, и в его голосе прозвучала та самая ледяная, расчетливая нотка, которая появилась у него после ночи на хуторе, после объятий дочек. — Он сдал того, кто ему мешает. Коткас — пешка. Но пешка, которая стоит у него на пути к деньгам и власти. А Палыч не любит, когда ему мешают зарабатывать.

Мы спустились по лестнице, мимо охраны, которая провожала нас настороженными взглядами. Ночной город встречал запахом пыли, нагретого за день асфальта и где-то далеко — сладковатым дымом дешевых сигарет. Где-то в восточной части неба все еще тлело багровое зарево — догорал склад Коткаса.

Обратная дорога на базу заняла не больше десяти минут. Сергей встретил нас в гараже, его лицо в свете тусклой лампы выглядело осунувшимся, но глаза горели тем особенным огнем, который загорается у диверсантов, когда сложная схема срабатывает без сбоев. В углу, на пирамиде ящиков, напротив небольшого узкого окошка я заметил Саню. Сегодня он первый раз занял своё место, в совсем недавно организованной в огневой точке. Тот, закинув винтовку за спину, сидел на мешке плотно упирая приклад РПК себе в плечо. Убедившись, что приехали именно свои, а за окном никаких посторонних людей не видно, он расслабил плечи и убрал палец со спускового крючка. Я махнул ему, едва различимому в темени гаража и получив в ответ короткий взмах, подошёл к Сергею.

Серый ну как наши успехи? Подробности есть? Обратился я к нему.

— «Туман» прошел, — коротко доложил он. — «Альфа» на связи. Отходят по плану. Потерь нет.

Эдик молча прошел мимо нас в столовую. Я задержался.

— Я получил твоё сообщение. Что по объекту?

Сергей развернул на капоте «Патруля» свою рабочую тетрадь, испещренную пометками и дополнительно зажёл небольшой фонарик, направив узкий луч на лист.

— По данным перехвата — паника. Местные патрули подняты по тревоге, но ищут не там. Гордеев лично выезжал на место через сорок минут после взрыва. Судя по докладом, которые нам удалось поймать, он был в ярости. Но не от того, что склад сгорел. От того, что Коткас не обеспечил безопасность.

— Значит, наш план работает, — кивнул я. — Теперь главное — не переиграть.

В столовой было тихо. Наша ночная бодрянка, дежурила именно тут, ожидая новостей, не так важно каких, хороших или плохих. Серёга выдвинул идею, чтобы в тяжёлые моменты наших мутных дел, ядро команды оставалось в строю. Расклад был прост, если к определённому времени, я дома не появлюсь, друзья бросятся меня спасать. У такой тактики был и второй плюс, если Комитет заявится сюда, с целью нас брать, ребята смогут сразу разбудить остальных и оказать организованное сопротивление. Поэтому Лёха и Дима, вернувшиеся с рынка, полночи сидели за столом, молча пережевывая холодный ужин.

Увидев нас, Лёха вскочил и подлетел ко мне, облапив своими ручищами.

«Живой, чертяка» обрадованно загудел он, нас им так просто не взять. Через секунду подошёл и Дима, внимательно оглядел обоих с ног до головы и видимо убедившись что мы целы, коротко кивнул, положив мне руку на плечо.

Алина, бледная, с темными кругами под глазами, грела чайник. Она подняла на меня взгляд, и в нем читался немой вопрос: «Когда это кончится?»

Я не знал ответа.

Эдик сидел в углу, уткнувшись взглядом в стену. Перед ним на столе лежала та самая фотография — Алёна с Дашкой на руках, уже не в пластиковом пакете, а вставленная в самодельную рамку из картона. Он смотрел на нее не мигая, и я видел, как ходят желваки на его скулах.

— Эдька, — тихо позвал я.

Он не ответил. Тогда я подошел и сел напротив.

— Ты должен это увидеть, — сказал я и протянул ему листок, который дал мне Виктор Палыч перед уходом. На листке был адрес. И короткая приписка: «На крайний случай. Коткас. Ночью. Всегда один».

Эдик медленно перевел взгляд с фотографии на бумагу. Прочитал. И впервые за последние часы в его глазах появилось что-то, кроме ледяной пустоты. Там зажегся огонь. Холодный, опасный, но живой.

— Один, даже не думай соваться. Когда придёт время, ударим все вместе. Это не месть, — предупредил я, хотя сам себе не верил. — Это политика.

— Политика, — эхом отозвался Эдик. Он аккуратно, почти нежно, убрал фотографию во внутренний карман куртки, пусть и такая, пробитая пулей, но всё-таки связь с родными. По сравнению с его брелком, на этом фото, он мог рассмотреть все детали, а это немало.

— Значит, будем политиками.

Он встал и, не говоря больше ни слова, вышел из столовой. Я слышал, как скрипнула дверь его комнаты на втором этаже. Через минуту оттуда донеслись приглушенные звуки — он разбирал и чистил оружие. Ритуал. Подготовка.

Сергей проводил его взглядом и повернулся ко мне:

— Ты уверен, что это правильное решение? Дать ему эту ниточку?

— А у нас есть выбор? — я потер переносицу, чувствуя, как пульсирует боль в висках. — Санёк был его последним шансом не сойти с ума. А теперь этого шанса нет. Есть только долг. И если я попытаюсь его остановить, он пойдет один. И погибнет. А так... может, у него появится цель. А цель — это якорь.

— Или петля, — тихо добавила Алина, ставя передо мной кружку с обжигающим чаем.

Я не ответил. Я просто сидел и смотрел в темное окно, за которым догорали последними всполохами остатки склада нефтеналивного терминала, и думал о том, что война, которую мы начали, только разгорается. И самая страшная ее часть — не перестрелки на дорогах и не взрывы. Самая страшная — это когда твой брат перестает быть просто братом и становится оружием. А оружие, как известно, либо стреляет, либо ломается.

Третьего не дано.

Глава 4: Точка бифуркации

Утро, а вернее обед следующего дня встретил нас тяжёлым, свинцовым небом и мелким морсящим дождём, который, казалось, проникал сквозь стены, сквозь одежду, сквозь кожу — прямо в кости. В такую погоду даже просто выйти на улицу было подвигом, а нам предстоял день, полный риска.

В столовой пахло крепким чаем и жареным хлебом — Алина вставала затемно, чтобы накормить ребят перед выходом. Лёшка с Димкой ещё утром уехали на моём джипе в павильон, поспали часа четыре всего, как ни крути, а торговать необходимо. За столом собрались все оставшиеся, кроме Эдика. Он спустился, когда завтрак уже подходил к концу. Одетый, при полном снаряжении, с «Глоком» на поясе и автоматом за спиной. Глаза — ясные, спокойные, почти безмятежные. Это пугало больше, чем любая ярость.

— Выспался? — спросил Никита, пытаясь разрядить обстановку.

— Отлично, — ответил Эдик, наливая себе чай. Его голос звучал ровно, без тени вчерашней надрывности. — Сегодня хороший день.

Мы переглянулись. «Хороший день» для человека, который вчера получил первую ниточку для начала охоты за убийцей своего родственника, звучало злое.

— План такой, — начал я, разворачивая на столе карту центральной части анклава. — Сергей, ты после еды едешь на рынок. Проверишь, как там наш павильон, отвезёшь обед мужикам. Затем в аптеку, поговоришь с Ириной по поводу фонда. Заодно посмотришь, как проходят проверки, нет ли лишнего интереса со стороны местных. Никита и Артём — с ним для прикрытия, Миша за рулём УАЗа. Не стоит малым числом светиться.

— А ты? — спросил Михаил.

— А мы с Эдиком пойдём... по делам. — Я не стал уточнять.

Сергей хотел что-то сказать, но осекся. Он только кивнул и уткнулся в свою кружку.

Мы вышли через час. Непогода усилилась, превратив обочины улицы, ведущей от базы к центральному проспектам, в месиво из грязи и воды. Идти было нелегко, ноги не промокли только благодаря мембранным сапогам, да и шли в основном по асфальту — соваться в грязь на обочинах не хотелось. Я сегодня решил дожать вопрос с Алёной, а кто мог с этим справиться лучше брата.

Адрес работы девушки, который выяснили ребята, вёл в старую промзону на восточной окраине города. Место, куда даже местные патрули заезжали редко — слишком много развалин, слишком удобно для засад. Дождь скрадывал звуки, размывал силуэты, делал нас почти невидимыми. Эдик двигался впереди, его фигура в камуфляже сливалась с серыми стенами. Я едва поспевал за ним.

Объект оказался одноэтажным зданием бывшей конторы с пустыми окнами и прохудившейся крышей. Но в одном из окон тускло горел свет, а внутри слышался мерный стук, похожий на работу множества швейных машинок.

— Она там, — вдруг сказал Эдик, заглядывая в одно из боковых окон в длинном фасаде.

На улице, всё ещё моросило — мелкие, противные капли, проникающие за воротник, под одежду и даже в сами мысли. Промзона выглядела привычно, сетчатый забор, на его территории помимо самого здания, расположены другие постройки. Какие-то конторы, склады, парковка с двумя джипами на противоположной стороне огороженной территории. Мы с Эдиком стояли под ржавым козырьком у входа в мастерскую и смотрели, как двойка охраны с помповыми дробовиками стоит в воротной арке, пытаясь скрыться от вездесущих брызг и капель.

— Здорово, мужики! — решил я первым нарушить молчание.

— Здравейте, — недобро ответил плечистый детина в куртке, поудобней перехватывая дробовик. — Чего надо?

Эдик слева от меня напрягся, а я при этих словах подошёл поближе, на ходу расстёгивая камуфляжную куртку, из-под которой сразу показались две кобуры на поясе с чёрными рукоятками пистолетов. Брат повторил моё действие — и правильно, пусть видят, что мы тоже вооружены, так разговор пойдёт на равных. Им полезно, а то привыкли работяг шпынять.

Взгляды обоих охранников сразу упали в район наших поясов. Мужики напряглись, второй, явно моложе и комплекцией не вышел, резко поднялся с лавочки у входа, подтянув ствол повыше к плечу.

— Что-то вы, ребята, не слишком любезны, — продолжил я заглядывая в помещение, где на входе стояли стопки пустых поддонов, а возле них курили две пожилые женщины в платках, с усталыми лицами. Слегка улыбнувшись продолжил. — Таким приёмом вы рискуете распугать всех перспективных инвесторов.

— Каких ещё инвесторов? — снова подал голос амбал. — Я вас вообще в первый раз тут вижу. А ваша состоятельность у вас на лицах не написана. Чёрт знает кто в этом районе может разгуливать.

— Понятно, — бросил я, сделав заинтересованный вид, будто рассматриваю строение. — А про фонд «Рассвет» пока не слышали? Вот ищем контакты для сотрудничества, возможно, временную базу для товара, охрану, свою территорию и всё такое...

— «Рассвет»? — наморщил лоб широкоплечий, пытаюсь вспомнить хоть что-то похожее, но, видимо, не смог и продолжил: — Нет, такого фонда не знаю. А что конкретно интересует?

— Интересует здание на предмет аренды. Тут у вас наша знакомая работает, зовут Алёна. Она и рассказала про это место: говорит, здание крепкое, имеется большой внутренний двор и охрана профессионально выглядит.

— Хм, — задумался мужик, но потом продолжил, больше обращаясь к напарнику, чем к нам: — Митяй, наш бугор говорил на днях, что ищет арендаторов на будущее, когда поши-вочная фабрика переедет в новое здание. Но я не думал, что так скоро.

— Ну вот видите, — обрадованно сказал я, придумывая на ходу. — Мы наводили справки, и в администрации нам сообщили, что здание через месяц-два освободится. А вы сами давно тут охраняете?

— Да уж с месяц как, — впервые обратился к нам второй охранник, который теперь явно чувствовал себя спокойнее, когда опознал в нас не налётчиков, а уважаемых бизнесменов. — Коля ещё раньше пришёл, а потом и меня подтянул.

— Ну да, — продолжил заявление Митяя плечистый, — он с месяц, а я даже немного дольше.

— Понятно. Ну и как вам тут? Платят исправно? Условия хорошие? Зарплата как?

— Да не жалуемся, — сплюнув, ответил Коля. — Платят звонкой монетой, а условия теперь везде не очень.

— Ясно. Насчёт аренды мы к вам потом обратимся, а ещё подумайте о вакансии охранников, которые мы можем вам предложить. Я оставлю наши контакты, если надумаете — приходите. Мы пока работаем в здании аптеки на центральной улице, но там, сами знаете, места немного. А пока мы должны переговорить с Алёной. Не подскажете, когда в мастерской перерыв?

— Хорошо, но мы таких вопросов не решаем, — ответил Коля. — Это тебе к бугру надо, с ним и решай. А насчёт перерыва — я могу позвать кого скажешь, но ненадолго. Там график очень плотный, минут десять вам хватит?

— Вполне. Алёну знаете?

— Я знаю, — подхватился Митяй. — Сейчас позову!

Он исчез в воротной арке и через пару минут вышел, а за ним следовала девушка.

Эдка сразу узнал её, едва мелькнувшую в крохотном окошке воротины. А потом заметил и я, когда девушка показалась в дверях цеха и уже разглядел её получше — тонкую фигуру

в старом свитере и быстрый взгляд через плечо охранника, прежде чем дверь за ней захлопнулась.

Эдик не двигался. Он стоял, вцепившись рукой в полу куртки — влажную от дождя, с промокшими краями возле молнии. Наконец он аккуратно отпустил ткань и подошёл к девушке.

— Алёна, — тихо сказал он. Голос сел, но в нём не было слабости. Только констатация факта: — Нам нужно поговорить. Давай отойдём.

Та, увидев Эдика, побледнела и остановилась, будто раздумывая, стоит ли ей идти или лучше бежать куда подальше.

— Здравствуйте, Алёна, — вмешался я, подходя ближе. — Меня зовут Роман, я являюсь учредителем фонда «Рассвет». Мой брат Эдуард описал мне вас как хорошего работника и человека, поэтому я бы хотел предложить вам работу в нашем фонде. А сейчас предлагаю отойти и обсудить условия договора о найме. Этот разговор не отнимет у вас много времени.

Эту фразу я специально проговорил громко, чтобы у охраны не возникло поводов сомневаться в нашей истории, которую я им приподнёс.

Алёна подняла на меня глаза. И правда, в её взгляде, причёске, осанке и мелких движениях рук имелось едва уловимое сходство с супругой брата. Но мне, как человеку, который был знаком с Алёнкой на протяжении нескольких лет, это сходство сразу бросилось в глаза.

— Ладно, — будто сделав над собой усилие, тихо сказала девушка, указав на грубый деревянный стол с лавками, стоявший возле забора. — Пойдёмте, поговорим.

После короткого разговора мы с братом получили, пусть скомканную, отрывистую и неполную, информацию о делах, которые происходили в анклав до нашего прибытия, а также частично поняли суть того, что творится в нём сейчас. Её история не выглядела пафосно, скорее она походила на типичную судьбу сломанного человека. Судьбу, которую разрушили не потусторонние силы или стихия, а другие, алчные и безразличные к любым страданиям люди. Жестокие шестерёнки механизма под названием «мясорубка человеческих жизней».

Всё началось не вчера, а ещё в те дни, когда крупные города умирали, а места их живых обитателей занимали полчища оживших мертвецов. Алёна переехала в этот городок больше семи лет назад. Съём квартиры в столице для бедной студентки был не по карману, а тут, в ста с лишним километрах от столичной суеты, цены позволяли не снимать комнату, а оплачивать полноценную двухкомнатную квартиру прямо в центре. Она работала с четырнадцати лет, график учёбы был гибкий: в месяц две недели учишься, а ещё две недели можешь посвятить работе. Получив диплом местного текстильного техникума и встретив молодого человека, она осталась жить с ним в этом городе. Через год после окончания учебного заведения в их семье родился сын. Но отношения не задались: вечные проблемы с деньгами, чрезмерная любовь молодого папаши к спиртным напиткам и азартным играм вскоре напрочь убила весь семейный уют. Едва пара рассталась, бывший муж укатил в столицу искать лучшей доли, оставив Алёну одну с двухлетним сыном на руках. А после наступления зомби-апокалипсиса девушка напрочь застряла в этом богом забытом городишке.

Тут и начались настоящие проблемы, связанные с бандитской властью. Гайки закрутили до хруста: всех способных трудиться сразу приставили к делу, включая и её, совсем недавно отгулявшую декретный отпуск. Денег больше не платят, а жить как-то надо. Ничего не поделаешь, пришлось соглашаться. Пока был жив Михалыч, она жила нормально: работала ночами официанткой в его клубе, тот был нормальным человеком и давал девушке послабления. Понимал, что она в одиночку воспитывает сына. А после его исчезновения новые хозяева, не терпевшие систематических болезней сына, после первого предупреждения уволили её. Пришлось искать новую работу, но с кем оставить ребёнка? Владельцы клуба и тут подсуетились: предложили потерявшей надежду безработной отличную альтернативу. Она поступает работать по профессии в новый пошивочный цех, а ребёнка отдаёт в интернат, конечно же принадлежащий

владельцам клуба и нескольких прочих производств в городе. Пришлось соглашаться и тут — все остальные предложения были ещё хуже. И только потом она поняла, куда попала: любой её прогул или невыполненная норма сразу сказывались на свиданиях с сыном. Ей неделями не отдавали ребёнка.

А недавно она узнала ещё одну страшную правду. Те матери, которые больше определённого срока не получают разрешение на свидание с детьми, лишаются всех своих прав на ребёнка. А дальше детей забирают из интерната какие-то люди, по слухам — кавказцы, и увозят из города в неизвестном направлении. На мой вопрос, что с ними происходит потом, она не смогла ответить, но судя по всему — ничего хорошего.

Я сидел напротив тихо всхлипывающей девушки и прикидывал варианты. Каждый новый исход, проносившийся в моём сознании, выглядел всё страшнее и страшнее. Справа сидел Эдик с лицом чернее грозовой тучи.

— Ладно, Алёна, успокойся. Вытри лицо и беги на работу, пока тебя не оштрафовали, — я потрепал девушку по плечу. — Мы постараемся тебе помочь. Пока не знаю как, но обязательно найдём способ. А ещё подумай насчёт моего предложения о работе. Если надумаешь — приходи в аптеку, там уже со мной свяжутся.

— Меня не отпустят, — придя в себя, выдохнула девушка. — Не для того новые хозяева клуба меня брали в оборот, чтобы так просто отпустить.

— Я понимаю, — я твёрдо выдавил каждое слово, будто поставив точку. — Но с этим я тоже планирую разобраться. Есть люди, они подскажут, куда лучше давить.

И едва она исчезла за воротами мастерской, мы с Эдиком тоже поднялись.

— Возвращаемся, Эдка, — бросил я брату. — Нужно всё обсудить с ребятами. И готовиться к вечеру.

— Мы знаем, где искать, — ответил я, положив руку на плечо брата. — И знаем, кто нам в этом поможет. Алёна не одна. Эти женщины... они ждали сигнала. Теперь он у них есть.

Эдик кивнул, но в его глазах горел уже не просто холодный расчёт, как тогда, после убийства Санька. Там горел огонь. Живой, тёплый, опасный — огонь человека, которому есть что терять и есть за что бороться.

Мы развернулись и пошли прочь от мастерской, растворяясь в серой пелене дождя. За спиной всё так же мерно стучали швейные машинки — десятки женщин шили одежду для тех, кто украл их детей. И ждали.

На обратном пути Эдик вдруг остановился и произнёс:

Погоди Ромка, вот же уроды эти местные заправилы, даже на детей свои грязные руки пытаются наложить, чёртово гестапо. Я ещё доберусь до них, слышишь? Я вырежу тут всех, если мы ей не поможем.

Я сделал паузу на долгом выдохе, чувствуя, как в голове колотятся схожие мысли. Но через секунду подавил в себе этот пожар и ответил спокойным тоном.

Не кипятись братишка, нам нужна холодная голова. Я сделаю всё, что от меня зависит, чтобы помочь не только Алёне, но и всем этим людям, теперь это стало личным. Эти уроды, они ещё своё получают, когда народ до них доберётся, им их гестаповские методы ой как дорого отольются.

18:30. Убежище «Волков».

Дождь наконец кончился, оставив после себя мокрый асфальт, тяжёлое небо и липкую влажность, от которой не спасали даже открытые окна. Мы только вернулись на базу и разбিরали снаряжение в гараже, когда к дому, кто-то пришёл.

— Рома, — голос Сергея по рации звучал напряжённо, хотя внешне он всегда оставался спокойным. — Тут... гость. Один. Пешком. Без оружия — я проверил лично. Говорит, от «Бати». Приглашение на встречу.

Я переглянулся с Эдиком. Тот молча, даже не глядя на меня, передёрнул затвор автомата, проверил патрон в патроннике и поставил на предохранитель. Жест, не требующий слов.

— Пусть заходит, — сказал я, вешая куртку на гвоздь у входа. — Послушаем. Сергей, будь на связи. Остальным — не расслабляться.

Гость оказался сухощавым мужиком лет сорока, в штатском, с лицом человека, привыкшего выполнять поручения, не задавая лишних вопросов. Такие обычно или в охране, или в курьерской службе при больших людях. Он вошёл в гараж, огляделся цепким взглядом, оценивая обстановку, и, видимо, оставшись доволен увиденным, коротко кивнул.

— Графов Роман? — спросил он без предисловий.

— Я.

— От Виктора Палыча и... других заинтересованных лиц. — Он сделал паузу, давая понять, что «другие» здесь ключевое слово. — Сегодня в 21:00, нейтральная территория. Старый ДК «Заря». Приглашены вы, ваши люди (не больше трёх), Виктор Палыч, представители городских силовых структур и... некоторые члены «Комитета», имеющие отношение к недавнему инциденту.

Я ждал этого. После вчерашнего взрыва «Комитет» не мог не отреагировать. Вопрос был только в том, как именно.

— Кто вас прислал? — спросил я, глядя посыльному в глаза.

Тот выдержал взгляд. Профессионал.

— Господин Гордеев и его... коллеги, — дипломатично ответил он, тщательно подбирая слова. — Присутствие вашей группы и безопасность гарантирует «Батя» лично. Это всё, что мне поручено передать.

Он развернулся и вышел так же тихо, как и появился. Только мокрые следы на бетонном полу напоминали о том, что он вообще был.

— Ловушка? — подал голос Никита, появляясь из-за штабеля ящиков. Он держал автомат наготове, но ствол смотрел в пол — в качестве меры безопасности.

— Вряд ли, — покачал головой Сергей, который уже подтянулся к нам из аппаратной. — Слишком публично. Если они нас там тронут — это война со всеми вытекающими. Открытая, наглая, с кучей свидетелей. А им сейчас война не нужна. Особенно после того, как мы показали, что можем бить.

— Им нужен контроль, — добавил я, обводя взглядом своих. — Они хотят понять, кто мы, чего стоим, на что готовы. И, возможно, договориться. Пока мы не разнесли что-то действительно важное для них. Не личный склад Коткаса, а объект системный.

— И что ты скажешь? — Эдик смотрел на меня в упор. В его глазах всё ещё горел тот огонь, который я видел у мастерской, но сейчас к нему добавился холодный расчёт. Он научился переключаться.

— Я скажу им правду, — ответил я, чувствуя, как внутри поднимается знакомая холодная волна — состояние перед боем, только вместо оружия — слова. — Ту правду, которую они захотят услышать. Что мы — не враги. Что мы — инструмент. Который можно либо использовать, либо попытаться сломать. Но ломать нас дороже, чем договариваться.

— А если не поверят? — спросил Сергей.

Я усмехнулся.

— Поверят. Потому что у нас есть козырь, которого нет у них. Мы ничего не теряем. А они — теряют всё, если решат воевать всерьёз. Город у них за спиной, население, структура. У нас — только мы и наше задание. Кто в этой игре более гибкий?

Сергей кивнул, принимая аргумент.

— Ладно. Тогда готовимся. Я с вами?

— Да. Ты, я и Эдик. Остальные — на подстраховке. Алина с Никитой остаются дома, незачем их подставлять. Передай Лёхе, пусть возглавит группу прикрытия на УАЗе. Их машину

поставим неподалёку от места, пусть сидят и ждут сигнала. Группе прикрытия вооружиться Хекклерами, в машине перевозить не запрещается. Нам троим, по два пистолета на пояс, всё длинноствольное также оставляем в машине — жест доброй воли. Но пистолеты и ножи под одеждой у каждого. И слушаем в оба.

— Когда выдвигаемся? — Эдик уже поправлял на себе бронежилет.

— В 20:00. У нас ещё час на подготовку и на то, чтобы перекусить. Алина, — крикнул я в сторону столовой, — там есть что-нибудь горячее?

— Будет, — донёсся её голос. — Идите мойте руки.

Мы разошлись по своим углам — собираться, настраиваться, молчать. Перед такими встречами лишние слова только мешают.

20:45. Подходы к ДК «Заря».

Старый дом культуры встретил нас запахом сырости, древней краски и давно ушедшей жизни. В советские времена здесь, наверное, висели портреты передовиков производства, играли духовые оркестры, крутили кино. Теперь — только тени и ржавый остов надежд.

Мы оставили «УАЗ» с ребятами в двухстах метрах от бывшего дома культуры, на территории хлебопекарни. Михаил и Артём остались в машине — двигатель не глушили, радики включены, в случае чего — сигнал и прикрытия. Лёша и Димка рассредоточились по периметру, заняв позиции, откуда простреливались все подходы к ДК. Саша, с РПК, залёг на крыше соседнего здания — его мы прихватили отдельно, он подошёл позже со стороны пустыря. Страховка была надёжной.

А сами на Патруле подъехали вплотную к зданию и остановились на небольшой парковке вдоль него. В фойе мы вошли втроём: я, Эдик и Сергей. Часы показывали 20:55.

Внутри горели несколько ламп — их расставили на столах так, чтобы создать островки света в кромешной тьме, оставляя большую часть зала в тени. Умно. И красиво, и практично — сидящие за столом видели входящих, а что там в темноте по углам — не разглядеть.

За длинным столом, со столешницей из влагостойкой фанеры, сидели четверо.

Центр, безусловно, принадлежал ему — «Бате». Он сидел в старом продавленном кресле, которое явно притащили сюда специально, чтобы отличаться от остальных. В руках — неизменная сигарета, дым тянется к потолку, теряясь в темноте.

Справа от него — Гордеев. Ледяная маска, безупречная выправка, взгляд, которым можно резать стекло. Он даже в этой разрухе умудрялся выглядеть так, будто только что сошёл с плаца.

Слева — Виктор Палыч. Он нервно крутил в пальцах авторучку — единственный признак волнения, который я успел заметить. В остальном — спокоен, собран, но глаза выдают: он здесь не просто наблюдатель, он игрок. И ставки для него высоки.

И четвёртый — незнакомый мне офицер в форме местного патруля. Сидел на торце стола, положив руки перед собой, как примерный школьник. Силовик. Интересно, чей?

— Присаживайтесь, господа хорошие, — «Батя» указал сигаретой на пустые стулья напротив. — Разговор есть.

Мы сели. Тишина повисла тяжёлая, как намокшая палатка, которую только что скинули с плеч после многокилометрового марш-броска. Слышно было, как потрескивает рассохшаяся краска на полу, под тяжёлыми ножками стола.

— Я слушаю, — сказал я, глядя прямо на «Батю». Никакого подобострастия, никакого вызова — просто констатация: я здесь, я готов, говори.

Он усмехнулся, выпустил дым.

— Слушаешь? А может, расскажешь? — Он сделал паузу, давая словам осесть. — Например, что случилось сегодня ночью на восточном терминале?

— Пожар, — ровно ответил я. — Взрыв. Местные новости, говорят, несчастный случай. Бедные люди потеряли склад.

— Несчастный случай, — эхом повторил Гордеев, и в его голосе зазвенела сталь. — А то, что на стене этого склада красовалась надпись «GTS. Следующий — ты» — это тоже часть несчастного случая? Может, молния попала, выбив буквы на обгоревшей стене?

Я сделал удивлённое лицо. Получилось, кажется, убедительно.

— Понятия не имею, Лев Аркадьевич. Видимо, у кого-то серьёзные проблемы с конкурентами. Знаете, как бывает: бизнес, дележка сфер влияния... Мы тут вообще-то посторонние. Благотворительностью занимаемся. Фонд открыли, детям помогаем, старикам продукты развозим. Вы, кстати, можете проверить — вся отчётность открыта.

Виктор Палыч кашлянул в кулак, пряча усмешку. Начальник из патруля нахмурился — то ли не понял юмора, то ли, наоборот, понял слишком хорошо.

— Хватит, — «Батя» устало поморщился, затушил окурок и тут же закурил новую сигарету. — Давайте без клоунады. Мы здесь не для того, чтобы выяснять, кто стрелял первым. Мы здесь, чтобы понять: вы — проблема или решение?

Я медленно обвёл взглядом всех присутствующих.

Гордеев — каменная маска, но я заметил, как дёрнулся желвак на его скуле. Злитесь. Хорошо.

Витя — напряжение пополам с надеждой. Он поставил на нас. Теперь ждёт, сыграет ли ставка.

Военный — настороженность, смешанная с любопытством. Этот будет наблюдать и делать выводы.

«Батя» — усталая власть человека, который видел слишком много, чтобы удивляться, но слишком мало, чтобы перестать бояться за своё кресло.

— Мы — решение, — чётко сказал я, возвращая взгляд к «Бате». — Мы платим взносы. Аккуратно, в срок, как договаривались. Мы открыли фонд, который кормит ваших же бедняков — между прочим, за наш счёт, не требуя от вас ни копейки. Мы не лезем в ваши разборки, не интересуемся внутренними делами, не дружим с вашими врагами.

Я сделал паузу.

— Но когда к нам приходят среди ночи, врываются в номер и убивают нашего человека — мы не можем молчать. Это вопрос не политики. Это вопрос репутации. Если мы проглотим это — завтра нас просто раздавят. Любой почувствует слабость.

— Репутации? — хмыкнул Гордеев, и в его голосе прорезалось откровенное презрение. — У наёмников? Ребята, вы здесь временно. Получите деньги, выполните контракт — и уедете. Какая вам разница, что о вас подумают местные крысы?

Я посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Мы люди, — отрезал я. — Мы нормальные, адекватные люди, которые хотят просто работать. И жить. А когда нам мешают жить — мы умеем защищаться. Вы видели только цветочки, Лев Аркадьевич. Ягодки будут через неделю.

— Угрожаешь? — военный подался вперёд, и в его голосе прорезались командирские нотки. — Прямо здесь, при свидетелях?

— Констатирую факт, — я не отвёл взгляда даже от него. — У моего командования есть чёткая инструкция: если группа, выполняющая задание, сталкивается с систематическим давлением, угрожающим жизни и выполнению контракта, она имеет право на адекватный ответ. Вчерашний инцидент — это ответ на убийство нашего человека. Точечный, аккуратный, без жертв среди гражданских. Следующий ответ, если давление продолжится, будет направлен не на частный склад одного зарвавшегося чинуши, который, кстати, давно уже тянет одеяло на себя. А на объект, важный для всего «Комитета».

Я сделал паузу, давая словам осесть в тишине.

— Я гарантирую, что через неделю после нашего визита вы будете не пожар тушить, а пепелище разгребать. И поверьте, это будут не те копеечные потери, которые можно списать на внутренние разборки. Это будет удар, от которого система не оправится.

Тишина стала звенящей. Гордеев побелел так, что даже в полумраке ламп было видно, как заострились скулы. «Батя» докурив сигарету до фильтра, затушил её о дно старой массивной пепельницы и тут же, не глядя, прикурив новую. Руки не дрожали.

— Чего вы хотите? — спросил он тихо.

— Безопасности, — ответил я. — Свободы действий в рамках первоначальных договорённостей. Мы платим — нас не трогают. Мы работаем — нам не мешают. Никаких внезапных проверок, никаких «визитов вежливости» от вашей внутренней безопасности, никаких убийств наших людей под видом криминальных разборок.

Я перевёл дух.

— Мы даже готовы расширить социальные проекты за свой счёт. Еда, медикаменты, помощь старикам и детям. Вам же выгодно: городу спокойствие, населению сытость и лечение, у вас меньше головной боли с недовольными. Вы получаете стабильность, мы — возможность работать. Все в плюсе.

Я молчал, давая таким простым истинам укорениться в их сознании.

— И ещё. Мы хотим, чтобы виновные в смерти нашего товарища понесли наказание. Не наше — ваше. Чтобы все видели: «Комитет» умеет наводить порядок в своих рядах. И с внешними игроками предпочитает договариваться, а не воевать. Это укрепит вашу репутацию не меньше, чем нашу.

— А если мы откажемся? — холодно спросил Гордеев. Голос его звучал ровно, но я видел, напряглась кисть его правой руки, сжимающая подлокотник кресла.

— Тогда, — я посмотрел ему прямо в глаза, не моргая, — через неделю мы встретимся снова. Только поводов для разговора у вас будет меньше. А у меня — больше. И гарантий, что следующая встреча пройдёт так же мирно, я дать не могу.

Гордеев открыл рот, чтобы ответить — и, судя по выражению его лица, ответ этот был бы жёстким и, вероятно, окончательным. Но договорить ему не дали.

— Лев Аркадьевич.

Виктор Палыч подался вперёд, положив ладони на стол. Голос его звучал ровно, даже буднично, но в нём появились металлические нотки, которых я раньше не слышал. За всё время нашего знакомства он всегда был или подобострастным, или раздражённым, или усталым. Сейчас в нём впервые прорезалась сталь.

— А может, хватит? — продолжил он, глядя прямо на Гордеева. — Вы своё влияние показали, мы оценили. Весь город теперь знает, что «Комитет» умеет бить. Теперь давайте повзрослому.

Гордеев медленно повернул голову к Вите. В его взгляде читалось что-то среднее между яростью и... уважением? Такое бывает, когда слабый вдруг перестаёт быть слабым.

— Что вы имеете в виду, Виктор Палыч? — спросил он ледяным тоном.

— Я имею в виду, что ребята дело говорят. Они тут ни при чём, они работать приехали. Деньги платят, шума не создают, даже помогают, чем могут. А Коткас...

Витя скривился, будто от зубной боли.

— Коткас давно уже тянет одеяло на себя. Я молчал, потому что он ваш человек, Лев Аркадьевич. Но сегодня он склад свой не уберёт, завтра что-то более серьёзное просрёт. Или уже продал кому-то, а теперь замечает следы. Может, пора навести порядок? Пока не поздно?

Тишина после его слов стала густой, как патока. Офицер кашлянул, отводя глаза — он явно не ожидал такого поворота и теперь не знал, куда смотреть. «Батя» молча курил, наблюдая за этой сценой с ленивым интересом кота, следящего за мышами, которые вдруг решили выяснить отношения прямо у него на глазах.

Гордеев смотрел на Витю долго, очень долго. Потом медленно, с видимым усилием, разжал пальцы, вцепившиеся в подлокотник.

— Я понял, — выдавил он наконец. — Ваше мнение... учтено.

— Учтено, — эхом отозвался «Батя», и в его голосе мелькнула тень усмешки. Он явно наслаждался происходящим. — Ладно. Давайте так.

Он повернулся ко мне.

— Мы берём тайм-аут. Сутки. Завтра в это же время здесь же получите ответ. — Он сделал паузу, прищурившись. — И очень надеюсь, что ваше командование в Таллинне... проявит благоразумие. На время тайм-аута. Без сюрпризов.

Я кивнул, чувствуя, как внутри отпускает напряжение. Главное сделано — они согласились обсуждать.

— Договорились. Но напомним: сутки — это сутки. Дальше мы начинаем действовать по обстоятельствам. И да, — я посмотрел на Гордеева, — надеюсь, вы понимаете, что Коткас — это не только наша проблема. Это проблема всей системы. Решайте.

Мы поднялись. Выходя, я краем глаза заметил, как Гордеев и «Батя» обменялись быстрыми, ничего не значащими для постороннего взглядами. Но я уже знал: внутри «Комитета» только что образовалась трещина. И мы вбили в неё клин.

Осталось дождаться, пока трещина станет разломом.

Глава 5: Чистка

4 июля, воскресенье, 05:30.

Рассвет застал меня врасплох. Я сидел в комнате на третьем этаже, которую мы с Сергеем прозвали аппаратной, привалившись спиной к холодной стене, и смотрел, как за окном серый, промозглый сумрак медленно вытесняется неохотным, болезненным светом нового дня. Веки слипались, но сон не шёл — в голове всё ещё роились обрывки ночных переговоров, взгляды, недосказанные фразы, тяжёлая тишина ДК «Заря».

Сергей спал тут же, свернувшись в кресле у терминала. Его лицо даже во сне сохраняло напряжённое выражение — брови сдвинуты, пальцы подрагивают, будто он всё ещё сжимает рукоять автомата. Аппаратура мягко гудела, изредка попискивая — дежурный режим, никаких входящих.

Эдик так и не спустился после возвращения. Ушёл к себе, бросив на ходу короткое: «Устал». Я не поверил. Он не мог устать — он мог только выгореть дотла, но не признаться. Слишком много всего навалилось за эти сутки. Склад Коткаса, взрыв, переговоры, а главное — Алёна. Её история, живая, настоящая, которая принесла ему не облегчение, а новую, ещё более тяжёлую ношу.

И её сынишка.

Маленький мальчик, запертый где-то в интернате людьми, которых мы только что превратили в политическую мишень.

Я потёр переносицу, пытаясь разогнать туман в голове. Мысль работала чётко, но тело требовало отдыха. Сколько мы уже не спали нормально? Третьи сутки? Четвёртые? Эта битва стирала счёт времени.

Внизу хлопнула дверь — кто-то вышел во двор. Я прислушался: шаги лёгкие, быстрые — Алина. Она всегда вставала раньше всех, чтобы приготовить завтрак для ребят, которые через пару часов снова разъедутся по постам. Павильон на рынке никто не отменял, фонд тоже требовал присутствия, а теперь добавилась ещё и слежка за интернатом.

Работы становилось всё больше. А нас — всё так же мало.

Я закрыл глаза, проваливаясь в тяжёлую дремоту без сновидений. В ушах ещё звучал голос «Бати», подводивший итог ночной встрече: «Сутки. Завтра в это же время здесь же получите ответ».

Сутки. Двадцать четыре часа, которые должны были решить, продолжится ли наша игра или начнётся совсем другая — без правил, без прикрытия, без надежды на тихий выход.

Я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Открыл глаза — надо мной стоял Сергей, уже умытый, собранный, с чашкой дымящегося кофе в руке.

— На, уже двенадцать скоро, — он сунул мне кружку. — Пей. Есть новости.

Я сделал глоток — обжигаяще горячо, но мозги включились мгновенно.

— Какие?

— Патрульные частоты трещат. Там какая-то возня в восточном секторе. Официально — «ликвидация последствий пожара». Но наши источники говорят, что Коткаса никто не видел с утра. А его зам вдруг срочно уехал в город.

— Гордеев чистит хвосты, — я поставил кружку на подоконник. — Быстро.

— Быстро, — согласился Сергей. — Значит, «Комитет» всерьёз воспринял твой ультиматум. Не хотят ждать неделю до следующего удара.

— Или хотят показать, что могут сами решать свои проблемы. Чтобы мы не слишком расслаблялись.

В дверях появился Эдик. Выглядел он паршиво — под глазами тени, щетина небритая, но взгляд был ясным и холодным.

— Коткаса уберут свои, — сказал он без вопросительной интонации. Констатация факта.

— Скорее всего, — кивнул я. — Гордеев не прощает подстав.

— Значит, я не смогу...

— Не сможешь, — перебил я жёстко. И сразу смягчил голос: — Прости, брат. Но так даже лучше. Если бы ты его убил, ты бы стал таким же, как они. А ты не такой. Ты лучше.

Эдик смотрел на меня долго, тяжело. Потом кивнул — коротко, резко, будто отрезал что-то внутри себя.

— Ладно. Тогда у меня другая задача. Алёна. Я должен знать, где держат её сына, как к нему лучше подобраться и что нам для этого нужно.

— Этим и займёмся, — я поднялся, разминая затёкшую спину. — Сегодня у нас есть время до вечера. Потом — переговоры. Но готовиться к ним нужно уже сейчас.

— Я с тобой? — спросил Эдик.

— Нет. Ты едешь к Алёне. Ещё раз. Она обещала дать список женщин, которым можно доверять, и координаты тех, кто работает внутри интерната. Бери Никиту, он прикроет. И будьте осторожны — после вчерашнего там могут быть патрули.

Эдик не стал спорить. Только кивнул и вышел.

Сергей посмотрел на меня поверх своей кружки.

— Думаешь, он справится? Эмоции не перехлестнут?

— Думаю, он сейчас собран как никогда, — ответил я. — У него появилась цель. Настоящая. А цель — лучший якорь для человека в шторм.

— Или петля, — тихо добавил Сергей, но я сделал вид, что не расслышал.

15:00. Восточный сектор. Швейная мастерская.

Эдик и Никита подошли к мастерской со стороны пустыря, через развалины соседнего цеха. Никита и брат сегодня несли помимо короткоствола пистолеты-пулемёты под курткой — пришлось немного нарушить городские правила, но безопасность стояла на первом месте. Я не доверял Комитету, но пока всё было тихо: только стук машинок доносился из-за стен да изредка слышались женские голоса.

Алёна ждала их у заднего входа, под ржавым навесом. Увидев Эдика, она шагнула навстречу, и в её глазах мелькнуло что-то тёплое, почти нежное. Почти.

— Быстро вы, — сказала она тихо. — Я думала, не раньше вечера.

— Время не ждёт, — ответил Эдик. — Что узнала?

Алёна оглянулась на дверь мастерской, потом махнула рукой — заходите.

Внутри, в маленькой каморке, заваленной рулонами ткани, пахло пылью и сухими травами — кто-то повесил пучок полыни над дверью, от насекомых. Алёна присела на ящик, жестом предложила гостям располагаться.

— Есть у меня одна женщина, — заговорила она вполголоса. — Зовут Клавдия. Она уборщицей в том интернате работает. Видела многое. В том числе — моего сынишку и остальных ребят.

Эдик подался вперёд.

— Когда?

— Два дня назад. Клавдия говорит, мой Андрюша пока вне опасности, но вот дочка нашей выкройщицы, девочка с русыми косичками, глаза большие, худенькая... Держат её в отдельном крыле, с такими же, кого готовят для... — Алёна запнулась.

— Для чего? — голос Эдика дрогнул.

— Для специальных программ. Клавдия не знает точно, но говорит, что тех детей, кто покрепче и посмышлёнее, забирают по ночам. Увозят куда-то за город. И назад они не возвращаются.

Тишина в каморке стала густой, как патока. Никита отвернулся к окну, сжимая челюсти. Эдик сидел неподвижно, только желваки ходили на скулах.

— Где эти дети сейчас? Когда их отправят? — спросил он наконец.

— В интернате. Пока там. Клавдия обещала последить, предупредить, если начнут готовить к отправке. Но времени у нас мало — такие отправки бывают раз в месяц. Следующая может быть со дня на день.

— Максимум — неделя. Меньше — может, завтра, продолжила девушка опустив взгляд в пол.

Эдик встал. Его движения стали резкими, но не суетливыми — хищник вышел на охоту.

— Передай Клавдии: если ребят начнут готовить к отправке — пусть любой ценой даст сигнал. Мы придём. Даже если придётся штурмовать этот интернат голыми руками.

— Эдик, — Алёна тоже встала, положила руку ему на грудь. — Осторожно. Они не простят такого удара. Если вы ворвётесь туда с боем, «Комитет» объявит вам войну. Настоящую.

— Она уже идёт, — ответил он, глядя ей в глаза. — Просто пока не все это поняли.

Друзья вышли так же тихо, как и пришли. А за спиной у них всё так же мерно стучали швейные машинки — десятки женщин работали на износ, чтобы ускорить выработку нормы и наконец увидеть своих чад. Рвали жилы и ждали. Ждали сигнала.

15:15. Восточный сектор. Подъезды к терминалу.

Чёрный микроавтобус без опознавательных знаков стоял в полукилометре от КПП терминала, в тени полуразрушенного ангара. Внутри, за тонированными стёклами, трое людей в штатском курили, ожидая команды.

— Когда? — спросил самый молодой, нетерпеливо постукивая пальцами по колену.

— Сказали, ждать сигнала, — ответил старший, мужчина лет сорока пяти с холодными глазами и короткой стрижкой. — Гордеев сам позвонит, когда будет готово.

— А если этот придурок свалит раньше?

— Не свалит, — усмехнулся третий, сидевший за рулём. — Я его знаю. Он будет сидеть в своём кабинете и ждать, пока папочка его спасёт. До последнего будет верить, что всё обойдётся.

— Не обойдётся, — старший затушил сигарету в пепельнице. — Такие дела не обходятся. Подставил шефа — будь добр, ответь.

В машине повисла тишина. Все трое знали, что это не просто слова. В их мире цена ошибки измерялась не деньгами и не должностями. Только кровью.

Они ждали.

Охрана терминала была усилена вдвое после ночного налёта. Люди в камуфляже без опознавательных знаков патрулировали периметр, вглядываясь в заросли по периметру с такой ненавистью, будто неизвестность, скрывающаяся в листве, была личным врагом каждого из них. Но те, кто действительно правил этим местом, находились не на улице.

В кабинете Коткаса горел свет.

Сам хозяин кабинета сидел за столом в той же позе, что и утром — сгорбленный, взлохмаченный, с бегающими глазами. Перед ним стояла початая бутылка коньяка и пустой стакан. Пить он не мог — руки тряслись слишком сильно.

— Ты должен меня прикрыть, — твердил он в гарнитуру радиостанции. — Ты обещал! Я делал для тебя всё, любую грязную работу, а теперь...

— Я тебя прикрою, — голос в трубке был ледяным, спокойным, как у диктора, читающего сводку погоды. — Не дёргайся. Сиди на месте. Завтра всё решится.

— Завтра? — Коткас истерически рассмеялся. — Ты сам говорил, что «Батя» рвёт и мечет! А послезавтра эти волки придут за мной! Или свои придут раньше, я не дурак, я всё понимаю!

— Успокойся. Ты нужен системе. Система своих не бросает.

Связь прервалась.

Коткас смотрел на замолчавший динамик, и в его глазах медленно разгоралось понимание. Он знал эту интонацию. Знал, что значит, когда Гордеев говорит так спокойно.

Это значило, что приговор уже вынесен. Осталось только привести его в исполнение.

Он вскочил, заметался по кабинету, налетел на стул, опрокинул бутылку. Коньяк разлился по столу, закапал на пол, но Коткас не замечал. Он лихорадочно собирал вещи в рюкзак — паспорт, деньги, пистолет, запасные обоймы. Надо было валить. Немедленно. Пока не поздно.

И тут в дверь кабинета постучали.

Коткас не знал, что ещё полчаса назад на терминал приехал тонированный микроавтобус с тремя людьми в штатском. Охрана пропустила их без вопросов — старший показал знакомый пропуск. Они поднялись в кабинет Коткаса и пробыли там не больше десяти минут.

Когда они ушли, Коткас остался сидеть в своём кресле. Пистолет лежал на столе — его собственный, табельный. Патрон в стволе, предохранитель снят.

Следы борьбы отсутствовали. Свидетелей не было.

Вскоре охрана нашла его тело. Официальная версия гласила: «Несчастный случай при неосторожном обращении с оружием на фоне нервного срыва».

Гордеев, принимая доклад, кивнул и приказал подготовить документы на утилизацию тела. Вопрос был закрыт.

Система переварила своего.

18:30. Резиденция «Бати».

Гордеев вошёл в кабинет без стука — только для него «Батя» сделал исключение из строгих правил протокола. Начальник сидел в кресле, курил и смотрел на закат. Поворачиваться не стал.

— Ну? — спросил он, не оборачиваясь.

— Вопрос решён, — коротко доложил Гордеев. — Сегодня днём.

— Чисто?

— Люди надёжные. Инсценировали самоубийство. Коткас в последнее время был нестабилен, все знают.

«Батя» медленно повернул голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на усмешку.

— Нестабилен, говоришь? А кто его таким сделал?

Гордеев выдержал взгляд.

— Он сам. Подставился под удар. Не обеспечил безопасность объекта. Навёл на нас этих... волков.

— Эти волки, — «Батя» затушил сигарету, — пришли не только из-за него. Они пришли также из-за нас. Это твои люди им жизнь осложнили, просто в этот раз они выбрали удобную мишень. И ты, Лёва, должен сделать так, чтобы этот выбор больше не повторился. Иначе следующий «несчастный случай» может случиться с тобой.

Гордеев не дрогнул. Только кивнул.

— Я понял. Вечером встреча. Я буду там.

— Будь. И постарайся не наломать дров. Из-за вас, дуболомов, мне с этими... волками... придётся договариваться. Решать те проблемы, которые вы устроили. Ещё скажи спасибо, что там не беспредельщики, а адекватные люди. Иначе ты бы со мной сейчас не беседовал, а валялся разорванный по кускам от случайного взрыва. Или с шальной пулей в черепе.

Он снова отвернулся к окну, давая понять, что разговор окончен.

Гордеев вышел в коридор и только там позволил себе выдохнуть. Всё шло по плану. Коткас — отработанный материал. «Волки» — проблема, но решаемая. Главное — не спешить.

Он посмотрел на часы. До встречи оставалось два часа.

21:00. ДК «Заря».

Мы вошли в фойе бывшего дома культуры ровно в назначенное время. Те же лампы, бросающие тусклый свет на столешницу, те же лица — «Батя» в центре, Гордеев справа, Виктор Палыч слева, командир патрульных сил на торце.

Но сегодня была разница. Взгляды. Они смотрели на нас иначе. Не как на назойливых мух, которых можно прихлопнуть. Как на силу. Небольшую, опасную, но силу, с которой придётся считаться.

— Присаживайтесь, господа хорошие, — «Батя» не курил сегодня, и это был хороший знак. — Разговор у нас короткий будет. Сутки прошли. Мы подумали.

— И? — я сел напротив, Эдик и Сергей остались за моей спиной, чуть поодаль — чтобы видеть всё и всех.

— И решили, — «Батя» сделал паузу, обводя взглядом присутствующих, — что воевать с вами нам невыгодно. Вы платите взносы. Вы открыли фонд, который реально помогает людям — это снимает с нас головную боль по социальной части. И вы умеете бить больно, когда вас задевают. Это качество, которое мы... уважаем.

Он перевёл взгляд на Гордеева. Тот сидел с каменным лицом, но я заметил, как дёрнулся желвак на его скуле.

— Поэтому мы согласны на ваши условия. Безопасность и свобода действий в рамках первоначальных договорённостей. Вы работаете — мы не мешаем. Но...

Он поднял палец.

— ...но при одном условии. Вы не трогаете наших людей. Никого. Если у вас возникают претензии — вы приходите ко мне. Разбираемся вместе. Без самосуда. Договорились?

Я обдумал его слова. Условие было разумным — и ловушкой одновременно. Если мы согласимся, то автоматически признаем их власть в вопросах «внутренних разборок». Но если откажемся — война продолжится.

— Договорились, — ответил я. — Но с одним уточнением. Если мы узнаем, что кто-то из ваших людей замешан в преступлениях против детей, — я сделал паузу, давая словам осесть в воздухе, — этот человек не доживёт до разбирательств. Это не обсуждается.

«Батя» прищурился. Гордеев побелел. Виктор Палыч едва заметно кивнул — поддержка, которую никто не увидел, кроме меня.

— Это... жёсткое условие, — медленно сказал «Батя».

— Это единственное условие, — ответил я. — Остальное — обсуждаемо.

Тишина повисла над столом тяжёлая, как бетонная плита. Майор патруля кашлянул, отводя глаза. Гордеев сжал подлокотники кресла. Виктор Палыч замер, боясь дышать.

«Батя» смотрел на меня долго, очень долго. Потом вдруг усмехнулся — криво, но без злобы.

— А ты, Графов, не прогибаешься. Это хорошо. В нашем мире это редкость. — Он встал, протягивая руку через стол. — По рукам. Но запомни: в таких случаях, когда замешаны дети, будь готов доказать преступление. Ведь если окажется, что ты действовал исходя из своих домыслов, а твои люди нарушили договор, — пощады не жди.

Я пожал его руку. Ладонь была сухой и твёрдой, как корень старого дерева.

— Договорились.

Мы вышли из ДК под звёздное небо. Дождь кончился, и впервые за много дней небо было чистым, усеянным холодными, далёкими огнями.

— Получилось, — тихо сказал Сергей, когда мы садились в машину. — Они клюнули.

— Пока да, — ответил я, заводя двигатель. — Но самое сложное впереди. Теперь нам нужно вытащить сына Алёны и других ребятшек, не нарушив договор. Поэтому или начинаем собирать компромат на владельцев интерната, или придётся действовать так, чтобы они не поняли, что это мы.

Эдик молчал всю дорогу. Только у самых ворот базы он повернулся ко мне:

— Коткаса убрали свои. Я знаю. Но детей я вытащу сам. Даже если ради этого придётся порвать этот чёртов договор.

Я ничего не ответил. Потому что знал: на его месте я бы сделал то же самое.

Мы вернулись с переговоров, когда город уже давно спал. Точнее — делал вид, что спит. В таких местах, как этот анклав, ночь никогда не бывает тихой. Просто звуки меняются: вместо дневного гомона рынка — бухающий рок из клубов и публичных домов. А под утро, когда утихают и они, слышен залиvistый лай собак, далёкие выстрелы, шорох шагов по мокрому асфальту и вой патрульных сирен где-то на окраинах.

В гараже горел только один фонарь — соблюдали своего рода светомаскировку, чтобы не облегчать наблюдателям Комитета их работу. Его жёлтый, болезненный свет под грязным стеклом с большой трещиной, где нашли смерть десятки мотыльков, выхватывал из темноты лица, руки, стволы автоматов. Остальное тонуло в маслянистом полумраке.

Лёха встретил нас у ворот. Он не задавал вопросов — только всмотрелся в лица, считывая информацию, как считывают показания приборов. Потом коротко кивнул сам себе и жестом показал: проходите, товарищи ждут.

В столовой на столе остывал ужин. Алина сидела в углу, обхватив кружку с чаем обеими руками, будто пыталась согреться. Никита и Артём устроились у окна — автоматы под рукой, взгляды в темноту. Саша с РПК был на крыше, Миша с Димой — на подстраховке снаружи. Обычный режим осаждённой крепости.

— Ну? — коротко спросил Артём, снимая бронежилет и вешая его на спинку стула.

Я сел за стол, потёр переносицу. Глаза слипались, но мозг работал на пределе — адреналин ещё не выветрился.

— Ультиматум сработал, — устало начал я свой рассказ. — Даже удалось выговорить некоторые уступки по теме преступлений против детей — те, которые по теме интерната. Комитет пока выглядит разумным. Но насколько хватит его терпения, вернее терпения его некоторых представителей, сейчас сказать сложно.

— И что это значит? — Никита повернулся от окна.

— Это значит, что они в раздрае, — ответил Эдик. Он не сажился — стоял у двери, прислонившись плечом к косяку, и чистил «Глок». Движения были механическими, отточенными, но я видел: мысли его далеко. — Гордеев готов был нас рвать, но «Батя» его осадил. А Витя... Витя вообще неожиданно в игру вписался.

— Витя? — удивилась Алина. — Тот самый, который вас штрафовал?

— Тот самый, — усмехнулся я. — У каждого свои скелеты в шкафу. И свои враги. Коткас, видимо, достал всех.

При упоминании этой фамилии Эдик замер на секунду. Рука с ветошью остановилась, пальцы сжали ствол сильнее, чем нужно. Потом он снова продолжил чистить, но я заметил.

— Ладно, — Сергей сел напротив, положил локти на стол. — Что дальше? Ждём?

— Ждём, — кивнул я. — Но не сидим сложа руки. Нам нужно знать, что происходит в стане врага. Если они решат нас убрать — мы должны понять это до того, как они начнут действовать. Сейчас самое время ковать железо, поскорее начать собирать информацию на владельцев клуба и интерната. Иначе, боюсь, его успеют свернуть под шумок, а что тогда произойдёт со всеми детьми — я даже не знаю.

— У меня через Ирину есть пара контактов в патруле, — подал голос Лёха. Он только что зашёл, стряхивая с куртки капли вечернего дождя. — Мужики, которым можно заплатить за информацию. Но осторожно — если «Комитет» узнает, что мы суём нос в их дела...

— Не узнает, — отрезал я. — Если будешь работать аккуратно. И только со своими — теми, за кого поручится Ирина и кому она доверяет. Ну и сам к ним присмотришься, чтобы засланные не оказались.

Лёха кивнул и исчез в своей комнате — видимо, обдумывать, с кем и как выходить на связь.

Тишина повисла над столом. Слышно было только, как за стеной мерно гудит бритва да где-то далеко лают собаки.

— Рома, — тихо позвала Алина. — А эта девушка... Алёна. Она правда похожа на... на ту Алёну? На жену Эдика?

Я посмотрел на брата. Он не поднимал глаз от оружия, но я видел, как напряглись его плечи.

— Очень, — ответил я честно. — Не копия, но... есть что-то. Взгляд. Движения. Даже голос где-то рядом.

— И что мы будем делать? — спросила Алина. — С ней... с её сыном?

— Вытащим, — ответил Эдик, не поднимая головы. Голос его звучал глухо, но твёрдо. — Любой ценой.

Сергей переглянулся со мной. Я едва заметно покачал головой: не сейчас. Не лезь.

— Идите спать, — сказал я, поднимаясь. — Завтра может быть тяжёлый день. Лёха, Никита — первая смена. Через четыре часа — смена. Меня будите в утреннюю.

— Принято, — ответил Никита.

Мы разошлись по углам. Я задержался в коридоре, глядя, как Эдик поднимается на второй этаж. Его спина была прямой, шаг — твёрдым. Но я знал брата. Он горел изнутри. И это пламя могло либо осветить нам путь, либо спалить всё дотла.

Меня разбудил сигнал рации. Короткое, настойчивое попискивание врезалось в сон, разрывая его в клочья.

Я сел на койке, потёр лицо. Часы показывали половину шестого утра. За окном начинал разгораться серый, болезненный рассвет.

— Рома, — голос Сергея звучал напряжённо. — Скоро твоя смена, но я тебя поднял пораньше. Поднимись сначала в аппаратную. Есть новости. Плохие.

Я натянул камуфляжную куртку поверх тельника и вышел в коридор. В столовой уже горел свет — Алина возилась у плиты, но при моём появлении замерла, вглядываясь в лицо.

— Что случилось? — спросила она тихо.

— Пока не знаю.

Сергей сидел перед терминалом. На экране горело короткое сообщение, перехваченное из эфира патрульных частот: «Обнаружен труп мужчины. Восточный сектор, район нефтяного терминала. Личность устанавливается. Предварительно — несчастный случай/суицид».

А ниже, отдельным блоком, пришло сообщение от нашего источника в патруле — того самого, с которым Лёха вышел на связь всего несколько часов назад: «Коткас. Застрелен из собственного пистолета. Охрана ничего не слышала. Гордеев приказал списать на самоубийство».

Я откинулся на спинку стула. В груди было пусто. Ни торжества, ни облегчения. Только холодное, липкое чувство, будто мы только что стали свидетелями того, как система переваривает своих.

В дверях появился Эдик. Он смотрел на экран, и его лицо медленно каменело. Я ждал взрыва, крика, удара кулаком в стену. Но он просто стоял и молчал. Долго. Потом повернулся и вышел, не проронив ни слова.

— Что с ним? — тихо спросил Сергей.

— Он хотел справедливости, — ответил я. — А получил политику. Это всегда больно.

— И что теперь? — спросила Алина, появившаяся в дверях с двумя кружками чая. — Они его убрали. Вопрос закрыт?

— Вопрос не закрыт, — покачал головой Сергей. — Они просто убрали свидетеля и исполнителя. Чтобы сохранить лицо.

— Но Алёна и другие... — начал я.

— Дети остались, — закончил за меня Эдик. Он вернулся так же неслышно, как и вышел. В руках у него была та самая фотография — Алёна с младенцем, мятая, с дыркой от пули. — Коткас мёртв. Но те, кто забирает детей, — они живы. Интернат работает. И детишки всё ещё там.

— Мы их вытащим, — твёрдо сказал я. — Но сначала — наблюдение. Скоро мы получим все ответы. И, думаю, тогда организаторам не отвертеться. А сейчас... — я повернулся к брату, — сейчас мы займёмся интернатом. Всей командой.

Эдик посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. Потом кивнул.

— Хорошо. Я подожду. Ещё одни сутки.

Он убрал фотографию в нагрудный карман, туда, где билось сердце, и вышел.

— Он справится? — спросила Алина.

— Придётся, — ответил я. — У нас нет другого выбора.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.